ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ
ГРУППА★АНТИТЕРРОР
СПЕЦНАЗ
НАДЕЙСЯ ТОЛЬКО НА СЕБЯ
Сергей КУЛАКОВ

Сергей Кулаков

Надейся только на себя

«Эксмо»

2007

Кулаков С. Ф.

Надейся только на себя / С. Ф. Кулаков — «Эксмо», 2007

Роман Морозов, капитан ГРУ, профессиональный разведчик-универсал, оказался, говоря языком разведки, «на холоде». Да на таком, что до костей пробирает, хотя дело происходит в оккупированном американцами Ираке. Арабским капитан не владеет, резидент погиб, связи оборваны… А ведь ему во что бы то ни стало надо вычислить «крота» в российской дипмиссии, тайно продающего оружие из «Аль-Каиды». Соблюдение двух главных принципов помогает ему выжить и выполнить задачу: «надейся только на себя» и «никому не верь». На Востоке иначе нельзя…

© Кулаков С. Ф., 2007
© Эксмо, 2007

Содержание

Сентябрь, Москва 5
23 сентября, 10 утра, ГРУ 23
24 сентября, Багдад 30
24 сентября, Багдад, вечер 37
25 сентября, Багдад, утро 49
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Сергей Кулаков
Надейся только на себя

Сентябрь, Москва

Роман увидел, как из сплошного ряда припаркованных машин вынырнул юркий серый пикапчик, потому, не теряя ни секунды, он резко свернул и встал на его место.

Вот и маленькая удача. Леня наверняка уже где-то на подходе к кафе, в котором у них назначена деловая встреча. Но тут некстати закончились сигареты, и Роман по дороге решил сделать остановку и купить пачку сигарет. Ведь до кафе езды еще минут сорок, а обходиться столь долгое время без курева было выше его сил. Говоря по совести, задерживаться не стоило: Леня, человек до крайности занятой, терпеть не мог опозданий. Но поскольку повезло с парковкой – табачный ларек стоял в десяти шагах, – то все можно было успеть прекрасно.

Роман выскочил из машины, отсыпал горсть монет контролеру и поспешил к ларьку. Тут удача слегка от него отвернулась, поскольку у ларька стояла очередь в пять человек и неизбежно отнимала у Романа пару-тройку драгоценных минут. Но делать нечего, бежать в супермаркет далеко, а сигареты все-таки нужны, так что надо ждать. Роман, коротая время, изучал обширный ассортимент ларька и посматривал по сторонам, чтобы не злиться из-за слишком медленного обслуживания. Продавец, пожилая рыхлая женщина, как раз приняла от сутуловатой девицы пятисотрублевую купюру и теперь нестерпимо долго отсчитывала сдачу. А в самом деле, куда спешить? Чудесный осенний денек: ясное небо, мягкое солнышко. Роман, чуть не ругаясь в голос, злобно отвел глаза в сторону. Такими темпами он получит свою пачку не раньше чем через полчаса!

Машинально изучая глазами прохожих, он вдруг почувствовал легкий укол беспокойства. Даже не беспокойства, а какого-то внутреннего слабого, но все же вполне определенного напряжения. Некоторые называют это чувство интуицией. Но Роман знал, что у него подобные ощущения напрямую связаны с тем уникальным, отработанным с детства на тренировках по боевому искусству, а затем усиленным службой в Афганистане и доведенным до совершенства работой в ГРУ чувством опасности, которое мгновенно и безошибочно указывало ему на существование в непосредственной близости от него физической угрозы.

По сути, ничего особенного не произошло и у проходящих мимо людей никакого интереса не вызвало. Обычное дело: встреча двух друзей. Что тут может быть необычного и тем более опасного?

Шагах в восьми от табачного ларька, у фонарного столба, неряшливо залепленного объявлениями, стоял высокий стройный парень лет двадцати. Внешность его была бы идеально восточнославянской, если бы не слишком резкий абрис нижней челюсти, выдающий южную, а точнее, кавказскую кровь. Но так как среди россиян эта черта давно и широко распространена, то на неопытный и не слишком пристрастный взгляд она ничем необычным не является. Мало ли у кого какая челюсть? Лишь бы человек был хороший. Тем более что во всем остальном он был стопроцентно «нашим». Волосы русые, глаза светлые, даже нос с небольшой рязанской курносинкой. Одет, как типичный представитель московского студенчества, модно, но не вызывающе, держится спокойно. Иногда бросает по сторонам быстрый взгляд, но так смотрят все, кто кого-нибудь поджидает. Роман сначала не обратил на него внимания. Так, скользнул ленивым глазом и, не задержавшись, перевел взгляд дальше.

Но память привычно отложила информацию: человек неподалеку кого-то ждет. И когда этот «кто-то» спустя минуту подошел, Роман, почти не задумываясь, повел взором на него. А поскольку в это время он не думал ни о чем другом, только бы побыстрее купить сига-

рет, то и подошедший его вначале не заинтересовал. Роман увидел только, что это мужчина лет тридцати пяти, крепкого телосложения, среднего роста, темноволосый, явно представитель Северного Кавказа. И уже отводил от него глаза – мало в Москве кавказцев? – как вдруг успел поймать взгляд этого человека. Взгляд был мгновенный, почти неуловимый, но до того внимательный и острый – *профессиональный*, – что Роман едва успел от него «увернуться». Вот это да! Чуть не попался. Хотя… Не попался на что? Вот в чем, как говаривал классик, вопрос.

Делая вид, что рассматривает витрину ларька, и подвигаясь по очереди дальше, благо продавщица наконец отпустила сутулую девушку, Роман выждал секунд десять и медленно-медленно и совершенно равнодушно повел взглядом в сторону.

Встретившиеся уже прощались. Тот, что был старше, хлопнул молодого по плечу, кивнул, внимательно огляделся – Роман едва успел «перебросить» взгляд на проходящую по улице полуодетую красотку – и направился прямо к табачному ларьку.

Роман снова занялся витриной, периферийным зрением отслеживая маршрут Кавказца. И тут же быстро прокачивал в памяти образ второго человека, «студента», который уже скрылся в толпе. Кажется, стоя у столба, он был без пакета в руках. Да, точно, одна его рука была засунута в карман, а другой он то и дело теребил себе подбородок. Так, теребил подбородок. Волновался. Ладно, не обязательно, может, у него там раздражение после бритья. Но пакета у него при себе не было! А теперь, когда они расставались, он держал в левой руке белый пластиковый пакет. Обычный пакет с ручками, рассчитанный килограммов на пять продуктов. Или книг. Или чего другого. Например…

Нет, версии пока преждевременны, это чуть позже. Сейчас только факты. Только факты.

Откуда у него взялся этот пакет? Вручил Кавказец? Но Роман не видел у Кавказца никакого пакета. Точнее, не успел заметить. Не обратил внимания! Плохо, товарищ капитан, очень плохо. Единица с минусом тебе за такую работу. Ладно, это потом. Теперь: проследить, куда идет Кавказец и где сейчас Студент. И коль скоро пакет у Студента, то все внимание – ему.

Кавказец между тем, не дойдя шагов пяти до ларька, сел в белый «БМВ» третьей модели, выехал со стоянки на дорогу и покатил в направлении, противоположном тому, в котором ушел Студент. Вел он себя очень спокойно, не торопился, от погони не уходил, странные взгляды не метал, и Роман призадумался: а не выдумал ли он чего сгоряча?

Часто повторяемые в последнее время, но плохо выполняемые меры по усилению безопасности до того набили оскомину, что скоро каждого встречного начнешь принимать за террориста. И потом, если этот человек (Кавказец, как Роман для удобства и по оперативной привычке его окрестил) действительно опасен, то за ним должно вестись наблюдение спецслужбами, и просто так, без присмотра, болтаться по улицам и передавать связнику подозрительные пакеты он не будет.

С другой стороны, черт его знает, где они были, эти спецслужбы, когда террористы взрывали бомбы в подземном переходе и возле метро «Рижская»…

Роман заколебался. Нужно торопиться на встречу, Леня хочет обсудить с глазу на глаз одно выгодное дельце, и сорвать разговор – значит кровно обидеть Леню, кормильца и благодетеля, и, возможно, лишиться в не очень отдаленном будущем кругленькой, весьма, надо сказать, не лишней суммы.

Но эта встреча и этот переданный пакет… Если бы не пакет, то и колебаний не было бы. Встретились хорошие знакомые, коротко о чем-то переговорили и разошлись. То, что один из них кавказец явный, а другой – тайный, ни о чем крамольном не говорит. Так можно начать бегать за каждым, у кого смуглая кожа и карие глаза.

Но пакет! Узнать бы, что в нем, – и тогда можно сбросить камень с души и ехать в кафе. Леня немного подождет, ничего, как-нибудь перетерпит. Спасибо мобильной связи, можно позвонить, предупредить, извиниться. Обидится, конечно, звони не звони, он и так не в восторге от того, что Роман все время «отвлекается» от поставленных задач на свои шпионские

(совершенно бессмысленные, по мнению Лени) дела. Рассказать ему, из-за чего произошла задержка – живьем съест, а уж язвить станет – мама не горюй. И нужна ли вообще эта задержка? Что он, самый крайний, что ли? Некому в Москве работать, кроме капитана Морозова, выходного, между прочим, сегодня человека?

– Вы будете что-нибудь покупать?! – раздраженно спросила продавщица, не слишком деликатно давая понять Роману, что он задерживает очередь.

– Нет, – процедил Роман и быстро двинулся по улице следом за Студентом.

На ходу он сунул руку в карман пиджака за мобильником и тут же вполголоса выругался. Телефон остался в машине, а машина стояла с другой стороны табачного ларька, и, бегая за телефоном туда-сюда, он рисковал упустить Студента. Тот уже давно скрылся из виду, и Роман, проклиная все на свете, перешел на легкий бег, высматривая впереди черную майку и русую голову. Бежать трусцой по улице сорокалетнему мужчине в дорогом костюме-двойке и модельных мокасинах было не слишком-то солидно, к тому же он сразу бросался в глаза, но Роман надеялся, что бежать ему придется недолго.

Черная майка и русая голова Студента обнаружились через минуту. Убедившись, что это именно его клиент, а не кто-то на него похожий, Роман пошел медленнее, с сожалением думая, что зря сорвался в последнюю секунду и не купил вожделенных сигарет. Но тут же понял, что поступил правильно, ибо Студент неожиданно нырнул в продуктовый магазин. Не нагони его Роман вовремя, он потерял бы парня безвозвратно, промчавшись мимо магазина.

«Ну вот, зашел парень за продуктами, – подумал с досадой Роман, неторопливо приближаясь к магазину. – Так и есть, я все придумал. Сейчас развернуться и быстрей ехать на встречу…»

Но ноги сами понесли его дальше. Взгляд Кавказца, быстрый, как молния, и внимательный, как глазок видеокамеры, не давал покоя и требовал продолжения слежки. Кляня свою службу на все лады, Роман перешел на другую сторону улицы, спрятался в тень козырька таксофона и, делая вид, что звонит, принялся наблюдать за входом в магазин.

Долго ждать ему не пришлось. Через восемь минут – Роман автоматически отмечал время – Студент вышел из магазина, осмотрелся и свернул в ближайший переулок.

Роман, помедлив, оставил таксофон, снял пиджак, повесил его за спину, так, чтобы издалека казалось, будто он одет лишь в светлые брюки и бирюзовую майку, перешел улицу назад и по другой стороне переулка двинулся вслед за Студентом.

Тот не торопился, шел уверенно, хорошо известной ему дорогой. Белый пакет, довольно увесистый, как показалось Роману, он по-прежнему нес в левой руке. Казалось, парень не осмеливается по какой-то причине сменить руку. Возможно, из опасения тряхнуть груз (а в магазин зашел не за покупками – уж очень быстро он из него вышел, – а чтобы убедиться в отсутствии хвоста). Возможно. Но не обязательно. Пока не будет хоть какого-то подтверждения, все эти домыслы – только домыслы, и не более.

На ходу Студент пару раз посмотрел назад, пытаясь сделать это незаметно. Роман про себя тихонько улыбнулся. Если ты, юноша, и впрямь хочешь отследить «хвост», то делаешь это довольно неискусно. Впрочем, возможно, парень покосился вслед хорошеньким девушкам, которых здесь было немало. Наверное, рядом находилось учебное заведение или студенческое общежитие. Учебный год две недели как начался, и улицы были полны нарядной оживленной молодежи.

Студент свернул за дом и тенистой улочкой направился в глубь квартала. Роман помедлил, перешел через переулок, на ходу надел пиджак и, соблюдая дистанцию шагов в семьдесят, последовал за ним.

По каким-то едва объяснимым приметам – ничего конкретного, все пока на уровне интуиции – он уже почувствовал, что Студент не столь беззаботен, как снующие по улице его ровесники. Это было несколько странно. Учебный год только начался, проблем пока никаких, погода

чудная, живи и радуйся. Тем не менее Студент радости не испытывал – это Роман видел точно. Слишком прямы и неподвижны были его плечи, слишком напряжена рука, несущая пакет, слишком строго он чеканил шаг. И эти короткие на ходу взгляды через плечо. Нет, тут определенно что-то не то.

Тем временем Студент повернул налево и вошел в какое-то казенное здание. Роман как раз прикрылся группкой девушек, идущих в том же направлении, – и не зря. Студент, перед тем как скрыться в дверях, повел по сторонам настороженным взглядом, равнодушно скользнув по девушкам, за которыми прятался Роман. Через секунду он исчез за дверями.

Роман еще шагов десять шел за девушками, на случай, если Студент смотрит из-за дверей. Да, парень явно что-то затевает, иначе он так подозрительно не оглядывался бы. Кстати, а куда это он зашел с такими предосторожностями? На общежитие не похоже.

Увидев, что это студенческая библиотека, Роман почувствовал холодок в спине.

Так, приехали. Общественное место – то, что *им* обычно нужно. Вот и цель.

Набросив пиджак на плечи, Роман улыбнулся высокой стройной девушке, выходившей из дверей библиотеки, посторонился, пропуская ее, и, придержав дверь, вошел в просторный, с низким потолком холл.

Гардероб, в котором положено оставлять сумки, по теплому времени еще не работал, поэтому все несли свои вещи с собой дальше, в читальный зал и помещение, где выдавались книги на абонемент.

Абонемент располагался слева, читальный зал – справа от входа. Роман заглянул в абонемент. Перед стойкой регистрации стояли несколько человек, но Студента среди них не было. Углубиться в книжные стеллажи он не мог, сначала ему требовалось сдать принесенные книги. Значит, надо искать его в читальном зале.

Входу в читальный зал предшествовал отдел картотеки, где полагалось выписывать на форменные бланки названия нужных книг, перед тем как заказать их библиотекарю. Этот отдел занимал довольно большое помещение. Вдоль стен тянулись шкафы с карточками, посередине в два ряда, по десять штук в каждом, стояли двухместные столики для заполнения бланков.

Заглянув сквозь стеклянную дверь в картотеку, Роман увидел там не меньше трех десятков девушек и юношей, озабоченно копошащихся у шкафов с карточками либо сидящих за столами и старательно заполняющих бланки. Для ранней учебной поры народу было очень много. В другое время подобное рвение не могло не порадовать, но только не в данную минуту. Такое скопление людей в замкнутом пространстве увеличивало поражающую силу взрыва едва ли не до ста процентов.

«Господи, какие они все молоденькие и красивые, – в долю секунды подумал Роман, глядя на милую суету, шушуканье и улыбки девушек. Их здесь было гораздо больше, чем молодых людей. Видимо, профиль вуза был по преимуществу женский. – И это все юное, теплое, нежное разорвать в клочья осколками и болтами… Немыслимо…»

И цель выбрана грамотно. Все верно, зачем им зал абонемента? Там основной заряд уйдет в книжные стеллажи, нанеся минимальное поражение. А здесь, в этом средоточии тел, почти все обречены.

Роман тряхнул головой и начал искать Студента. Тот мирно стоял у дальнего шкафчика и, выдвинув одну из полок, перебирал карточки обеими руками. Вид он имел самый обычный для этого заведения, и Роман в который раз ощутил укол сомнения.

Однако, коль уж явился, следовало все довести до конца. Несколько минут туда-сюда большой роли не играли. Все равно на встречу опоздал и свою порцию брани от Лени получит в любом случае, торопись не торопись. Так что лучше не торопиться. Хоть совесть успокоить – и то польза от всей этой беготни.

Так, нахождение Студента установлено. Теперь надо выяснить, где находится пакет. А там под благовидным предлогом в этот пакет заглянуть, убедиться, что там – самые обычные книжки-тетрадки, и лететь к машине, к телефону, успокаивать Леню, решать свои дела…

Студент вдруг поднял тяжелый взгляд, глянул на дверь. Роман, уже войдя в ритм работы, легко опередил его и успел мягко отпрянуть за угол. Затем, понимая, что со стороны его поведение может показаться странным, вошел в отдел картотеки и с занятым видом подошел к одному из ближайших шкафов. Надо полагать, на студента он не похож, но на преподавателя как-нибудь потянет, и для импровизированного прикрытия сойдет пока и такая легенда.

Он вытянул длинный узкий ящик и, не глядя по сторонам, хотя сразу почувствовал, что его появление студенток взволновало, принялся перебирать карточки, то и дело задерживаясь на некоторых из них.

Ему попалось что-то уж совсем скучное, какая-то псевдонаучная бредятина по психологии «советского» школьника, и было как-то странно думать, что такое количество книг, написанных далеко не глупыми людьми, посвящено этой нелепой, никому нынче не интересной теме.

Однако он делал вид, что карточки с названиями книг интересуют его чрезвычайно и ему дела нет до студенток, окидывающих его, кто исподтишка, а кто и вполне откровенно, томными взорами. Он даже время от времени слегка шевелил губами и кивал головой, как бы отмечая особо ценный для себя экземпляр.

Меж тем, краем глаза приглядывая за Студентом, он увидел, что тот закончил возиться у шкафа и, глянув на часы, пошел к столам, держа в руке несколько карточек. Ишь ты, какой старательный ученик.

Слегка сместившись, чтобы было удобнее перебирать дальние карточки и заодно вести наблюдение за Студентом, Роман обнаружил, что интересующий его белый пластиковый пакет, возле которого уселся Студент, лежит на одном из центральных столов.

Так, попутно отметил Роман, и стол выбран с умыслом. Небось не с краю… Ладно, это потом. Сейчас следить за Студентом. На шахида он не похож, и если в пакете находится взрывное устройство, он должен убраться отсюда подальше. Тянуть со взрывом смысла нет, сейчас здесь полно народа, и, значит, долго за столом он сидеть не будет.

Студент снова покосился на часы. Торопится. С чего бы ему торопиться, если он только что пришел? Роман уткнулся носом в карточки, совсем не глядя на Студента. Если он сейчас будет уходить, то обязательно осмотрится напоследок, не следит ли кто за ним.

Так, вот он поднялся из-за стола и направился к выходу. Роман не смотрел сейчас на Студента из опасения вызвать у него подозрение, но отчетливо чуял его всей шкурой. Куда он идет? В туалет? Уходит совсем? Где пакет? С ним? Или остался на столе?

Бросив косой взгляд на стол, за которым сидел Студент, Роман убедился, что пакет лежит на столе. Ага, все идет по плану. Низко опустив лицо и старательно роясь в карточках, Роман краешком глаза увидел, как мимо него проследовали ноги Студента в джинсах и хороших кожаных туфлях. Не смотреть вслед, не смотреть, ибо сейчас он наиболее напряжен.

Скрипнула дверь – Студент вышел наружу.

Роман еще пару секунд выжидал. Страшно хотелось глянуть сквозь стеклянную дверь, чтобы узнать, куда все-таки направился Студент – в туалет или к выходу. Но пока смотреть нельзя, тот все время начеку и наверняка обратил внимание на зашедшего следом за ним мужчину среднего возраста. И хотя Роман знал, что внешне он вовсе не похож на мента, если парень, обернувшись, заметит, что за ним наблюдает «преподаватель», то может заволноваться и ускорить процесс, чего ни в коем случае нельзя было допустить.

Если взрыв согласован по времени, то Студент должен отойти на безопасное расстояние. При этом ему нельзя торопиться, чтобы не привлечь внимания случайных свидетелей к своей

персоне. Значит, до взрыва осталось от трех до пяти минут. Негусто, но кое-что все же можно успеть. Например, вынести бомбу за пределы библиотеки и швырнуть в безопасный угол.

Но сначала надо все-таки убедиться, что находится в пакете.

Роман неторопливо переменил положение и глянул мимоходом сквозь дверь. Студент уже выходил из библиотеки. Роман успел увидеть мелькнувшую черную майку и русый затылок, форма которого намертво впечаталась в его память.

Все, парень сделал свое дело и теперь уходит. Время на таймере включилось и пошло отсчитывать секунды. Знать бы, сколько их в запасе?

Пора действовать. Сейчас нельзя допустить ни одной ошибки. Любое промедление, так же как и излишняя поспешность, чревато необратимыми последствиями.

Роман неторопливо задвинул ящик и, держа в руке несколько первых попавшихся карточек, направился к столу. Девушки снова задвигались живее. Некоторые взглядом красноречиво давали понять, что не будут против, если он устроится по соседству. Или, например, ненавязчиво пожелает познакомиться.

Ах, девочки, милые, да хоть со всеми сразу. Вот только в другой раз, если все обойдется…

По-прежнему строго глядя перед собой, Роман сел за стол, на котором лежал белый пластиковый пакет Студента. Такой безобидный пакетик с чем-то прямоугольным внутри. Похожим на стопку книг.

Неторопливо разложив перед собой карточки, Роман лениво и уверенно потянулся к белому пакету, словно он был его собственный, поднял за ручку верхний край и заглянул внутрь.

Так и есть, стопка книг. Никакой бомбы. Четыре книжки средней толщины аккуратно лежат одна на другой. Слишком аккуратно лежат… Уголок к уголку, и не сдвинулись ни на миллиметр по отношению друг к другу, что неизбежно произошло бы в тот момент, когда пакет клали на стол. Словно их склеили между собой.

Забыв на время об окружающих, Роман сунул руку в пакет и осторожно повернул книги торцевой стороной. И тут же тускло блеснула лента скотча, скрепляющая книги друг с другом. Вот и все. Теперь никаких сомнений. Это муляж. Сверху, если бы кто вздумал заглянуть в пакет, он увидел бы лежащие корешками вниз книжки. И никому не пришло бы в голову, что середина в этой стопке вырезана и начинена тротилом и так называемыми поражающими элементами, то есть стальными шариками, гайками и прочим железным хламом, который при взрыве разлетается со страшной скоростью, убивая и калеча все живое на своем пути.

Студент уже вышел из библиотеки и сейчас не спеша уходит прочь. Главное, чтобы он не увидел, как Роман выносит его пакет. Неизвестно, у кого находится пульт дистанционного управления взрывом. Вряд ли у самого Студента, скорее всего, кто-то другой нажмет на роковую кнопку в заданное время. Не зря ведь Студент то и дело сверялся по часам. Но предсказать наперед действия террористов невозможно, и пульт – маленькая плоская коробочка – вполне может лежать в кармане Студента. И как только он увидит, что его пакет находится у Романа, произведет взрыв… А может, бомба запрограммирована на взрыв автономно, и тогда реакция Студента не имеет значения. Но в любом случае надо срочно выносить этот гостинец из здания.

Роман взял пакет за ручки, аккуратно приподнял его и снял со стола (тяжеленек, – четыре книги, даже толстые, столько не весят). Он поднялся и, по-прежнему сохраняя первоначальный равнодушный и несколько отрешенный вид, направился к выходу. Но тут его ждало совершенно неожиданное препятствие в лице высокого тощего юноши поэтической наружности.

– Это не ваш пакет! – до черноты покраснев, шепотом сказал он, преграждая Роману путь к выходу.

– Что такое? – строго спросил Роман, по инерции продолжая играть роль преподавателя.

– Это не ваше… – упрямо повторил юноша, хоть и смущенный своим поступком, но тем не менее полный решимости доказать свою правоту. – Вы взяли чужой пакет. Положите, пожалуйста, на место.

Несмотря на прерывистый шепот, которым он изъяснялся, его взволнованное лицо и напряженная фигура, вставшая перед «преподавателем», начали привлекать внимание окружающих. Все это нисколько не входило в планы Романа и, что самое страшное, грозило роковой задержкой. Учитывая ситуацию, приходилось применять меры чрезвычайного воздействия. На слова просто не оставалось времени.

– Вы ошибаетесь, – улыбнувшись, сказал Роман и мягко взял свободной рукой правдолюбивого юношу за тоненькое запястье.

– Не тро… – хотел было возмутиться тот, но Роман легонько надавил на болевую точку между большим и указательным пальцами – и юноша, вздрогнув и резко побледнев, запнулся и начал оседать на пол.

– Что с вами? – спросил Роман, усаживая его на стул. – Вам нехорошо? Девушки, помогите ему!

К бедняге, лишившемуся чувств, со всех сторон полетели отзывчивые студентки. Роман, не теряя ни секунды, оставил героя на их попечительство (через пять минут болевой шок пройдет и парню станет легче) и поспешил к выходу. Потеря двадцати секунд могла дорого обойтись всем присутствующим.

Уже не заботясь о том, увидит его Студент или нет, Роман выскочил из библиотеки и рысью припустил в сторону от дорожки, по которой шли люди. На бегу он лихорадочно высматривал, куда бы зашвырнуть пакет с бомбой, чтобы при взрыве никто не пострадал. Задача была довольно сложной. Район густонаселенный, вокруг жилые дома, везде видны люди и, что самое страшное, дети, и все они были потенциальными жертвами взрыва.

Увидев впереди просвет между домами, Роман рванул туда. Выбежать хотя бы из двора, подальше от детворы и доверчивых семейных окон. Знать бы, когда рванет! Хоть ты падай пузом на этот пакет. Но, честно говоря, падать пока не хотелось. С момента ухода Студента прошло не более двух минут, и Роман надеялся, что еще как минимум минута у него в запасе имеется.

Он выскочил на тротуар и на несколько секунд замер, пытаясь сообразить, где лучше всего оставить пакет. Но как он ни крутил в отчаянии головой, подходящего места не находилось. По улице довольно густо шли машины, по тротуару двигались люди, и бегать взад-вперед не имело смысла. Куда же бросить пакет? Под землю его зарыть, что ли?!

И тут Романа осенило. Под землю! Именно – под землю. Только так он сможет обезопасить окружающих от взрыва. Он бросился бежать, не разбирая направления и, как ищейка, уткнув голову вниз. И почти сразу нашел то, что искал.

Чугунная крышка канализационного люка лежала недалеко от проезжей части, возле узкой полоски газона. До фасада ближнего дома было метров семь. Но это не страшно. Глубина колодца должна «съесть» дочиста силу взрыва. И никто не пострадает.

Роман поставил пакет на асфальт и попытался поддеть крышку люка пальцами. Куда там, она лежала как приваренная, и сдвинуть ее можно было только специальным крюком. Но где сейчас этот крюк искать?

Заметив, что прохожие шарахаются от него в испуге, Роман спохватился и громко закричал.

– Не приближайтесь! Здесь бомба! Уходите! Бомба!

Люди зашумели и резво подались в разные стороны. Больше тратить время на предупреждение Роман не мог. Надо было каким-то образом открыть люк.

Уже не обращая внимания на прохожих, Роман стал на колени и кончиками согнутых пальцев вцепился в рельефную поверхность крышки. Обдирая до мяса ногти, он кое-как при-

поднял ее и, едва не сорвав себе спину, столкнул с места. Образовалась щель шириной сантиметров в пять. Просунув в нее пальцы обеих рук, Роман стащил крышку в сторону и посмотрел вниз. Колодец был метров десяти глубиной – более чем достаточно. Роман взял пакет, поднес его к центу отверстия, разжал руку и кубарем откатился на газон, прикрывая голову руками и поджимая ноги к животу. Он услышал, как пакет глухо шмякнулся о дно колодца. Но взрыва не последовало. Подождав еще пару секунд, Роман начал было выпрямляться и вдруг увидел перед собой две пары ног в высоких ботинках.

– Что здесь происходит? – сурово спросил один из милиционеров с лычками старшего сержанта, нависая над Романом.

Его напарник стоял с другой стороны и готов был в любую секунду «приступить к действию». Похоже, они приняли Романа либо за сумасшедшего, либо за мелкого хулигана, что в общем-то было понятно.

– Ребята, я сейчас все объясню, – как можно спокойнее заговорил Роман, двигаясь очень плавно. – Я офицер ГРУ. Вот мое удостоверение.

Он достал из внутреннего кармана пиджака красную книжечку (хорошо, хоть ее не забыл!) и протянул старшему сержанту.

Тот настороженно взял удостоверение, но, развернув его и сверив фото с оригиналом, отмяк и с уважением вернул документ.

– А зачем вы… это? – только и спросил он, указав взглядом на люк.

– В пакете бомба, – поднявшись с земли, сказал Роман. – Давайте отойдем подальше… Никого к люку не подпускать. Вызывайте саперов немедленно. Когда произойдет взрыв, я не знаю. Думаю, что очень скоро. Все, я должен идти. Действуйте.

– Есть! – козырнул старший сержант и потянулся за рацией, закрепленной на правом плече.

– Да, еще. Надо задержать владельца белого «БМВ», номер А483С. Он имеет прямое отношение к бомбе. Все понятно?

– Так точно.

– Тогда выполняйте.

Решив, что здесь справятся без него, Роман бегом помчался обратно. Он знал, что Студент уже успел уйти достаточно далеко и догнать его нереально. Но все-таки попытаться стоило. Студент – ценнейший свидетель, и его поимка могла бы помочь в обнаружении развернутой террористической сети.

Если задержат Кавказца, это хорошо, но без Студента прижать его довольно сложно. Он просто пойдет в глухую отказку и будет все отрицать. А вот если устроить им очную ставку, то результат может оказаться очень даже неплохим.

Так что дело за малым: догнать и «слепить» Студента. Задача по исполнению несложная. Знать бы только, в какую сторону податься.

Когда Роман выносил из библиотеки пакет, Студента он уже не увидел, хотя посмотрел на всякий случай по сторонам. Но теперь, на бегу гадая, куда же он мог уйти, и напрягая изо всех сил зрительную память, Роман вдруг вспомнил, что он, кажется, видел мелькнувшую на долю секунды вдали, в другом конце двора, русую голову и черную майку. Кто его знает, возможно, это был кто-то другой или вообще почудилось от возбуждения, но Роман, не раздумывая, на ходу резко изменил маршрут и помчался через двор, прыгая через лавки и песочницы, как заправский спортсмен. Какая-то возмущенная мамаша что-то прокричала ему вслед, залаяла под ногами пушистая собачонка, но Роман, ничего не замечая, летел в заданном направлении, как пуля, выпущенная из ствола. Догнать, догнать любой ценой – вот единственная мысль, которая занимала его сейчас.

Он миновал двор, пробежал между домами и, не увидев ни впереди, ни сбоку преследуемый объект, остановился, будто споткнувшись, попытался понять, куда мог подеваться Студент, если, конечно, он ушел именно в этом направлении.

Впереди был небольшой сквер, справа высокая ограда из сетки-рабицы, слева комплекс служебных зданий. По логике вещей, впереди, за сквером, должен находиться выход к улице. И если Студент двинулся из библиотеки этой дорогой, то сейчас он находится где-то в пределах той самой улицы.

Улицы! И если там его ждет автомобиль, то вот-вот он исчезнет навсегда!

Едва сообразив это, Роман с еще бо€льшей скоростью рванул вперед, через сквер. Встречные прохожие поспешно уступали ему дорогу, видя написанную на его лице недобрую решимость. Не мешало бы, на ходу думал Роман, порасспросить их, не встречался ли им молодой человек такой-то наружности? Но остановка отнимала драгоценные секунды, и даже если кто-то из прохожих и видел Студента, то это ничего не меняло в его действиях. Видели – хорошо, не видели – плохо, но в любом случае надо продолжать преследование. И, значит, сейчас гораздо важнее экономить время, нежели наводить справки.

Проскочив сквер, Роман добежал до пятиэтажного жилого дома «хрущевского» типа, свернул за угол и вдруг всего в каких-то тридцати метрах от себя увидел Студента, стоящего, руки в карманы, у края проезжей части. Успел, все-таки успел!

Опасаясь своим топотом привлечь внимание Студента (не дай бог, рванет убегать), Роман резко остановился и ровным бесшумным шагом начал подходить к нему сзади. Тот вел себя спокойно и все смотрел на дорогу.

«Ждет кого-то, – догадался Роман. – Значит, я вовремя. Ну, постой так еще немножко…»

Он был уже в трех шагах от Студента, когда тот, почуяв чье-то приближение, быстро обернулся. По вспыхнувшему в расширенных глазах страху Роман понял, что тот мгновенно узнал его. Тем лучше.

– Как хорошо, что я вас догнал, – улыбнулся Роман, едва переводя дух (все-таки кроссы по пересеченной местности были уже не для него).

Он стоял почти вплотную к Студенту и готов был схватить его при первом резком движении.

– Что вам нужно? – спросил Студент, машинально отступая назад.

– Да ничего, – ответил Роман, синхронно делая плавный шажок следом за ним. – Вы забыли в библиотеке кое-что. Хотел вам напомнить, чтоб забрали.

– Я ничего не забывал, – возразил Студент, бросая за спину Романа напряженный взгляд.

– Забыли, забыли. Такой белый пакет с книжками внутри. Вспомнили? – вопрошал Роман, не отводя глаз от его лица. – Книжечки скотчем обмотаны…

Внезапно Студент выхватил из кармана правую руку и махнул ею перед лицом Романа. Тот отшатнулся назад, и длинное лезвие выкидного ножа просвистело в двух сантиметрах от его горла. А вот это уже совсем горячо!

Перехватив левой рукой кисть Студента с зажатым в ней оружием, Роман вывел ее дальше, вперед и вверх, заломил и, сильно надавив на излом, заставил Студента, вскрикнувшего от боли, выпустить нож и присесть на корточки. Не отпуская заломленной кисти, Роман быстро ощупал его карманы, но ничего не нашел.

– Пусти, гад… – шипел Студент, тщетно пытаясь освободиться.

– Не дергайся, – добродушно посоветовал Роман. – А то сломаю руку, будешь в гипсе ходить.

Он начал поднимать Студента на ноги и вдруг почуял приближение опасности. В быстротечной схватке он на несколько секунд забыл о том, что Студент здесь кого-то ждал. И теперь, мгновенно вспомнив об этом, Роман глянул на дорогу и увидел, что у самой бровки, в пяти

шагах от него, приостанавливается тяжелый джип «Тойота», из наполовину открытого заднего окна которого вылезает черная болванка глушителя.

Увидев, что она направлена точно на него, Роман рывком развернул Студента и закрылся им, как щитом. В ту же секунду послышались приглушенные хлопки автоматной очереди – и грудь Студента прошил целый рой пуль. От мощного удара тот буквально подскочил в воздух, налетел на Романа и вместе с ним упал на землю. Пока Роман вылезал из-под окровавленного тела, джип ударил по газам и помчался прочь.

Сгоряча Роман выскочил на дорогу, пытаясь разглядеть хотя бы номер автомобиля. Но увидел лишь край заднего бампера, когда джип в конце улицы заворачивал за угол. Ушел, сволочь!

Роман вернулся к навзничь лежащему Студенту и попытался нащупать на шейной артерии биение пульса. Какое там! Парень был безнадежно мертв – после таких ранений не живут.

А вот это уже провал. Главный свидетель, значение которого переоценить невозможно, убит неизвестными, скрывшимися в неизвестном же направлении. Ни лица стрелявшего, ни номера машины Роман разглядеть не успел. И остался ни с чем, ибо мертвый свидетель хоть и имелся в наличии, как оправдание действий Романа, но служил скорее укором, чем заслугой. Черт, как досадно! И ведь был уже в руках, тепленький!

И тут, вдобавок ко всему, Роман услыхал отдаленный звук мощного взрыва. Значит, бомба все же сработала. Господи, хоть бы там обошлось без жертв! Иначе генерал Слепцов, «любимый» начальник, спустит с него семь шкур, посыпая каждый слой солью. Хотя, похоже, и так благодарности за отличную службу ему не дождаться. Как говорится, не в этот раз.

И зачем он остановился возле табачного ларька?!

Вечером, в одиночестве сидя за столиком ресторана, он вспоминал дневной разговор со Слепцовым и кривился, как от зубной боли.

– Более корявую работу трудно придумать, – шипел Слепцов, с отвращением глядя на Романа. – Вы действовали как последний дилетант.

– Я действовал так, как позволяли обстоятельства, – хмуро возражал Роман.

Его щегольская бирюзовая майка была густо заляпана кровью, потемневшей и напоминающей пятна грязи. Полдня ушло на предварительное следствие, и он не имел возможности переодеться. Слепцов, сидя в своем кожаном кресле за монументальным столом, сиял генеральской формой с навешенными на нее регалиями и смотрел на неряху-подчиненного, завалившего верное дело, с удвоенным презрением.

– Почему вы не связались с нашим отделом и не запросили помощи? Что за игры в героя-одиночку? – негодующе сверкал очками Слепцов.

– Я забыл телефон в машине и не имел возможности выйти на связь, – отбивался Роман.

– Почему не связались с отделом из библиотеки?

– Сначала я должен был удостовериться в том, что человек, за которым я следил, действительно опасен. А потом у меня уже не было времени выходить на связь.

– У вас всегда нет времени! – махнул рукой Слепцов. – И оправдание находить вы мастер. Вот только в своем деле никак не научитесь мастерству. Не понимаю, как вы позволили расстрелять главного фигуранта?!

– Я был безоружен, – пробормотал Роман. – А из машины торчал ствол автомата.

– В любом случае вы не должны были допустить гибели свидетеля!

– Что, я должен был закрыть его собой? – огрызнулся Роман.

– Да! – крикнул Слепцов. – Именно! Закрыть собой. Но не дать ему погибнуть.

– Тогда, товарищ генерал, я был бы немножко убит.

– Зато свидетель остался бы жив, – отрезал Слепцов. – А вы должны четко знать, товарищ капитан, что одна из основных составляющих нашей профессии – уметь не раздумывая погибать в нужную минуту. Вы – расходный материал, не более, и никогда не забывайте об

этом. На ваше место всегда придут другие, но ничто не исправит ошибки, произошедшей по вашей вине.

– Я сделал все, что мог, – неуступчиво сказал Роман. – Извините, что не погиб, не доставил вам удовольствие, – как-то не додумался. В следующий раз постараюсь.

– Молчать! – грозно выдохнул Слепцов. – Вы что себе позволяете?! Совсем распустились!

«Да пошел ты…» – едва не сказал Роман, глядя на брови Слепцова, сошедшиеся во гневе одним толстым седым жгутом.

Но не сказал. Вспомнил генерала Антонова, своего боевого наставника и друга. Перед его светлой памятью не мог сдаться, распрощаться с погонами и с этой тяжелой, грязной и неблагодарной службой. Черт с ним, со Слепцовым, и ему подобными – им, кабинетным умникам, никогда не угодишь. Но Роман знал точно, что ежели бы он действовал сегодня иначе – искал связь, ждал подмоги и организовывал развернутую слежку, – он потерял бы те несколько минут, которые отделяли десятки мальчиков и девочек от неминуемой гибели.

Так что как бы ни супил сейчас брови Слепцов, совесть у Романа была чиста. Свидетеля потерял – да, виноват. Но как в той ситуации можно было его спасти? Подставить себя под пули, как советует этот муд… рый столоначальник? Нет уж, смысл своей службы Роман представлял несколько иначе. Да и погибни он вместо Студента, кто бы его тогда задержал? Ведь никто Романа не страховал, действовал он в одиночку. Уехал бы Студент преспокойно в джипе – и привет. То есть главный свидетель был потерян изначально. Но этому же кретину не объяснишь. Вон раздулся, как жаба, налился кровью, смотри, скоро лопнет.

Словно бы с усилием подавив вспышку праведного гнева (тот был еще артист), Слепцов побарабанил пальцами по столу и уже спокойнее, со страдальческим выражением на лице спросил:

– А зачем вы бросили бомбу в канализационный люк?

– А куда мне надо было ее бросать? – возразил Роман.

– Да никуда не надо было бросать! Возможно, если бы не было удара о землю, бомба вообще бы не взорвалась. А так разнесло весь колодец, коммунальщики такой шум подняли… Лужков звонил, кричал, что наши люди не умеют работать, кругом одни взрывы. Надо было вам трогать этот люк? Насмотрятся голливудских боевиков – и туда же, суперменить…

– Но ведь никто не погиб, верно? – пробурчал Роман.

– Чистое везение, – отмахнулся Слепцов. – Не хватало нам еще случайных жертв. И без них не расхлебаться. Кстати, номера указанного вами автомобиля не существует. А следовательно, и человека, передавшего – по вашим словам – пакет со взрывчаткой погибшему свидетелю, найти невозможно.

– Вы полагаете, я все это придумал? – усмехнулся Роман.

– Я этого не сказал. Но загадок осталось намного больше, чем ответов, надеюсь, хоть это вы понимаете. Ладно, – устало потер лоб Слепцов, – можете идти. До завтра вы свободны. Утром, в десять ноль-ноль, на моем столе должен лежать подробный отчет.

– Есть, – поднялся Роман. – Разрешите вопрос, товарищ генерал?

– Разрешаю, – поморщившись, кивнул Слепцов.

– А может, мне вообще не стоило влезать в это дело? Проехал бы себе мимо – и хрен с ними, с террористами этими, со студентами… Зато у нашего отдела сейчас не было бы никаких проблем. Пускай у других голова болит, так, что ли?

– Идите, капитан, вы свободны, – отчеканил Слепцов.

Роман развернулся и вышел из кабинета.

– Досталось? – спросил в приемной подполковник Дубинин, помощник Слепцова.

– А ты как думаешь? – окрысился Роман.

Несмотря на разницу в званиях, они с Дубининым были на «ты» благодаря одной совместно проведенной операции. Тогда Дубинин встал на сторону Романа в ситуации, когда на него охотились и свои, и чужие, и оказал ему активное содействие, вследствие чего был раскрыт весьма опасный заговор, имевший целью свержение существующего строя и возвращение к диким временам «железного занавеса».

Дубинин за ту операцию получил внеочередное звание подполковника, а Роман, как водится, большой нагоняй за самовольство. Но приятельские отношения между ними сохранились, поскольку оба понимали, что отношение к служебному долгу не всегда тождественно количеству просветов и звезд на погонах.

– Думаю, что по первое число, – широко улыбнулся Дубинин. Служака до мозга костей, он казался родившимся в своей идеально пригнанной форме.

– А также по второе, третье и по все остальные, – хмуро добавил Роман. – Пойдем, покурим?

– Не могу отлучиться, жду срочного сообщения.

– Жена рожает? – все еще кипя от злости, ехидно спросил Роман.

– Да ладно тебе, – добродушно сказал Дубинин. – Как будто в первый раз. Ты же знаешь: если такой эпизод не раскрыт по горячим следам, это верный «глухарь». Поэтому шеф и бесится. А тут еще звонят целый день со всех сторон, кому не лень. Из Думы, из министерства, из аппарата президента, все требуют отчета, грозят приказами, пресса достает, телевидение… Тут кто хошь взвоет.

– А первый должен выть я, да?

– Ну, и ты заодно. А как же? Одну лямку тащим, стало быть, и ответ всем держать.

– То-то ты держишь, – проворчал Роман.

– Мне тоже хватает, – посерьезнел Дубинин. – Ладно, капитан, не раскисай. Иди домой, отдохни, выпей рюмочку. Если тебе интересно мое мнение, то я считаю, что ты все сделал правильно. Наши, кстати, того же мнения.

– Ну, спасибо на добром слове.

– Пожалуйста. Обращайся, если что.

– Всенепременно.

Дубинин хотел сказать что-то еще, но в этот момент раздался длинный, требовательный звонок телефона, и он торопливо схватил трубку, сделав Роману отчаянный знак глазами: все, мол, занят по горло, бывай… Роман кивнул и вышел из кабинета.

Во время короткой встречи с Леней (Леня был разозлен отсрочкой не на шутку) Роман, не входя в подробности дневных приключений, хотел было ему пожаловаться на несправедливо полученный втык от начальства, но Леня и не подумал ему посочувствовать.

– А я тебе что говорил? – спросил он насмешливо. – И хорошо бы один раз. А то твержу одно и то же, как попугай: бросай эту дурацкую службу, ничего хорошего, кроме ранней смерти, ты на ней не поимеешь. Но ты же патриот, тебе же надо Родину защищать. Ну так чего ты хочешь? Ты же знаешь, что у нас героев не любят. Вот и получи, что заслужил.

– Умеете вы утешить, любезные друЄги, – невольно рассмеялся Роман. – Ладно, похоже, все кругом правы, кроме меня. Давай лучше о деле, что о пустом?

– А вот это правильная постановка вопроса, – поднял указательный палец Леня.

Леня Пригов работал старшим брокером на фондовой бирже. Несколько лет назад Роман помог ему выйти сухим из очень неопрятной и тяжелой истории, и с тех пор Леня в знак благодарности и личной симпатии стал его биржевым маклером, предложив, чтобы Роман со своей стороны поставлял ему нужную информацию, используя навыки оперативной работы. Первый же опыт сотрудничества показал Роману, что деньги на самом деле можно делать из воздуха, так как после одной лишь удачной сделки он почувствовал себя ни много ни мало (при его копеечной зарплате в ГРУ) богатым человеком. Естественно, прерывать сей полезный опыт

было бы верхом глупости, ибо Роман неожиданно быстро привык ужинать в дорогих ресторанах, одеваться от самых модных кутюрье и оставлять в казино изрядные денежные суммы. Что касается женщин, то благодаря своим врожденным мужским качествам он не испытывал недостатка в их обществе и до своего материального расцвета, ну а с наступлением такового мог позволить себе любой, как говорится, каприз. Стоит ли объяснять, что к просьбам Лени он относился не менее серьезно, чем к своим прямым служебным обязанностям. Правда, Леня считал, и порой не без основания, что Роман все-таки манкирует его частными заказами в пользу «защиты Родины», но тут у Романа были железные принципы, поступиться которыми он бы не смог даже при возможности сделаться богаче Билла Гейтса.

Быстренько изложив в машине Романа суть дела, из которого следовало, что наиглавнейший интерес для них сейчас представляет фирма «Сибгаз», Леня отказался от предложенного Романом ужина, которым тот хотел загладить вину, и поспешил домой к жене и детям. Он был примерный семьянин и даже в интересах бизнеса не мог позволить себе задержаться позже восьми вечера.

Роман, семейная жизнь которого давно и бездарно лопнула (детей не нажили и разбежались без долгих проволочек), заехал домой, переоделся и отправился в любимый ресторан коротать холостяцкий вечер.

Здесь он заказал себе царский ужин, чтобы хоть как-то компенсировать дневные огорчения, и под коньячок «Хеннесси» и осетринку со спаржей долго и не без горечи перебирал в памяти особо душевные высказывания генерала Слепцова.

«Расходный материал, – бормотал себе под нос Роман, закуривая после очередной рюмки. – Тоже, придумал определение. Старая сволочь. Такие вот „командиры“ и посылали на верную гибель вчерашних пацанов в Афгане, в Чечне… Им лишь бы выслужиться, а кто там жив, кто умер – не колышет. Не ихнее это, не генеральское дело – покойников считать. Хм, расходный материал. Ну, покажу я тебе как-нибудь кузькину мать…»

Вечер между тем был в разгаре. Ансамбль на сцене играл быструю латиноамериканскую мелодию, и несколько пар зажигательно вертелись на танцплощадке. За соседними столиками томно сидели красивые, роскошно одетые женщины, некоторые из них с нескрываемым интересом поглядывали на Романа, в одиночестве хлещущего коньяк рюмку за рюмкой.

Вдоволь отведя душу планами страшной мести Слепцову, Роман наконец почувствовал, что больше не в силах думать о службе, и обратился к темам куда более интересным. Сначала он хотел вызвать по телефону одну из своих подружек и уже стал просматривать записную книжку в мобильнике, решая, по кому из них он больше соскучился. Но после выпитой без малого бутылки коньяку все они вдруг показались ему такими скучными, что он плюнул на эту затею и решил пойти в казино с целью спустить все содержимое своего банковского счета. А чего мелочиться? Если выгорит дело с «Сибгазом» – а у Лени (гений, самый настоящий гений!), слава богу, все дела выгорают, – то счет в скором будущем вновь пополнится, и весьма ощутимо. Так что «вперед на мины», и будь что будет. А вдруг удастся выиграть заветный миллион? То-то погуляем…

– Вы танцуете? – услыхал Роман возле себя низкий женский голос.

Он повернул отяжелевшую голову, с удивлением посмотрел на стоявшую в двух шагах от него женщину.

– Это вы мне?

– Вам, – едва заметно улыбнулась она. – Сейчас белый танец, и если вы не против…

– Не против, – уже успев разглядеть ее как следует, поднялся Роман. – Позвольте вашу руку!

Женщина подала ему узкую, изящную ладонь с бриллиантовым кольцом на безымянном пальце, и они направились к танцплощадке. Она была не молода, или, вернее сказать, не юна: заметно старше тридцати, но до сорока еще далеко. Пышные каштановые волосы, безупречная

фигура, высокая грудь, точеные щиколотки, породистое чувственное лицо – о такой женщине втайне мечтает каждый мужчина. Пригласи Романа какая-нибудь молодка, желающая подцепить денежного мужичка с намерением «раскрутить» его по полной программе, он наотрез отказался бы от танца и вытекающего из него знакомства. Кроме весьма банального секса и пустого трепа, такое знакомство ничего более не даст, и лучше уж провести время за игровым столом, наблюдая, как бегает шарик в рулеточном колесе. Там, по крайней мере, присутствует элемент неожиданности.

Но в том-то и дело, что приглашение на танец поступило от настоящей Женщины – а в сем предмете Роман кое-что смыслил, – и это весьма заинтриговало его и на время отвлекло от желания двинуться в казино.

То, что в деньгах она не нуждалась, было яснее ясного: ее вечернее платье от Валентино, бриллиантовые серьги и кольцо говорили сами за себя. Стало быть, соображал Роман, заставляя себя экстренно отрезветь, она решила познакомиться с ним исключительно из интереса к его скромной персоне. А это уже заманчиво.

Она положила руку ему на плечо и медленно двинула бедрами в ритм музыке. Роман ощутил, как упруго и податливо ходит ее тело под тонкой тканью платья. Давно он не держал в руках столь обольстительную женщину. Вдобавок он нее шел головокружительный аромат каких-то незнакомых духов, и Роман, к своему удивлению, вдруг почувствовал, что он несколько растерян и не знает, как вести себя дальше.

Она молчала, и странное, загадочное выражение ее лица смущало его и удерживало от положенной в таких случаях словесной чепухи. Подобный оборот ему совсем не понравился, и он, разозлившись на себя, решил, что самое лучшее – двинуться напролом, благо коньячные пары уверенно вступили в силу и служили некоторой, так сказать, поддержкой в ответственном деле знакомства. Да и чего, собственно, робеть? Ведь это она его пригласила, стало быть, ему и карты в руки. Э-э, где наша не пропадала?

– Разрешите узнать, как вас зовут, прекрасная незнакомка? – в пошловатом армейском стиле начал Роман, стараясь не сбиться с витиеватой мелодии джаз-оркестра и не наступить на ногу своей партнерше.

– Надежда, – в упор посмотрев на него серо-зелеными глазами, ответила она.

– Красивое имя, – заметил Роман.

– И, главное, редкое, – отозвалась Надежда с легкой улыбкой и вопросительно подняла брови, предлагая и Роману назвать себя.

– Роман, – представился он.

– Очень приятно, – кивнула Надежда. – Почему вы один, Роман? Или это секрет?

Она прижалась к нему чуть сильнее, и кровь жаркой волной прошлась по его позвоночнику. Одно из двух: или он перебрал, или она действительно так хороша.

– Никакого секрета, – глядя на нее расширенными глазами, покачал головой Роман. – Был тяжелый день, все надоели, решил побыть в одиночестве.

– Хорошая идея, – без улыбки сказала Надежда и склонила голову к его плечу.

– А вы с кем? – начал привычную разведку Роман. – Насколько я понимаю, такие женщины, как вы, в одиночестве не остаются?

– Нет, я не одна, – подтвердила Надежда.

– Где же ваша компания?

– Компании нет.

– Вы вдвоем?

– Да.

– С мужем? – догадливо улыбнулся Роман.

– Вроде того.

– Ага… И этот «вроде того» отпустил вас танцевать с посторонним мужчиной?

– Я не обязана спрашивать его разрешения.

– Вот как? – Роман начал догадываться, почему она подошла к нему. – Похоже, вечер не удался?

– Не удался.

– Что так?

– Он хам, – просто ответила Надежда. – Не люблю хамов.

– Я тоже.

– Тогда вы меня понимаете.

– Еще как.

Они обменялись быстрыми взглядами, затем некоторое время помолчали, медленно и нежно кружась в танце. Роман вдруг понял, что ему не хочется расставаться с Надеждой. Такие женщины нечасто попадаются на жизненном пути. Связывать с ними судьбу, конечно, не стоит, это существа слишком высоких запросов, и духовных, и материальных, и от своих мужчин требуют того же, что в обычной жизни довольно утомительно. Но побыть какое-то время вместе очень хотелось бы, ибо лишь подобные встречи дарят мужчине незабываемые ощущения. Надо что-то придумать… Но что? Она не из тех, кого запросто можно пригласить к себе домой на «чашечку кофе». Разве что сама пригласит? Такие, если что-то затеяли, доводят свои затеи до конца.

– Вы не могли бы мне помочь, Роман? – словно в ответ на его мысли спросила Надежда.

При этом она снова пристально глянула на него – так и обожгла яркими глазищами.

– Все, что угодно! – не задумываясь, ответил Роман.

– Тогда… давайте уйдем отсюда.

– То есть? Из ресторана? Простите, я не совсем…

– Да, из ресторана, – подтвердила Надежда. – Уйдем прямо сейчас. Если вы, конечно, не откажетесь проводить меня.

– Да что вы?! – вскинулся Роман. – Сочту за честь.

– Тогда пойдемте.

Она решительно остановилась, сняла руку с его плеча и направилась в глубь зала.

– Подождите меня у гардероба, – сказала она на ходу. – Я только заберу сумочку.

– Как прикажете, – почтительно кивнул Роман, круто сворачивая к выходу. В этом ресторане у него был открыт персональный счет, и он мог уходить, не дожидаясь официанта.

Идя по залу, он словно бы рассеянно посматривал по сторонам (профессионализм не пропьешь) и, уже скрываясь в дверях, успел разглядеть спутника Надежды, когда она, отрицательно мотнув головой, отходила от своего столика, стоящего за колонной в дальнем, самом престижном углу зала.

Да, дядя серьезный. Низкий волчий лоб и бульдожья челюсть вступали в резкий диссонанс с лощеным «прикидом» респектабельного бизнесмена. Знаем мы эту уголовно-банкирскую породу, хорошо знаем. Такой своего не упустит, и вряд ли ему придется по душе выходка Надежды.

«Что ж, так даже интересней, – оскалился в недоброй улыбке Роман. – Потанцуем…»

Через минуту Надежда выскочила в фойе и, громко цокая каблучками, побежала к выходу, сделав знак Роману, чтобы он следовал за ней. Он подумал, что она спешит удрать от преследующего ее спутника, и нарочно подзадержался в дверях, собираясь разобраться с ним, «не отходя от кассы». Но никто за Надеждой не вышел, и Роман, пожав плечами – жаль, так надеялся развлечься, – поспешил вслед за ней к стоянке такси.

Она уже договорилась с шофером и, не дожидаясь помощи Романа, открыла заднюю дверь и села на сиденье. Он было решил, что она собралась ехать без него, но Надежда дверь не закрыла и призывно махнула рукой, дескать, чего мешкаешь, давай сюда.

Делать нечего, назвался груздем – полезай в кузов. Роман сел подле своей несколько экзальтированной дамы, закрыл дверцу – и такси, вырулив со стоянки, взяло направление на север.

Немного помолчав, Надежда нервно закурила, тыкаясь сигаретой в протянутую Романом зажигалку, и негромко сказала:

– Извините меня за излишне резкое поведение. Но этот человек… он довел меня до…

Не договорив, она сжала тонкие, чуть дрожащие пальцы в кулачок и замолчала, с силой выпуская дым под спинку сиденья водителя.

– Ничего, – беззаботно отозвался Роман. – Я все понимаю, не стоит оправдываться. Только мне кажется, ваш кавалер так легко от нас не отстанет.

– Он не имеет права меня преследовать! – быстро и возмущенно отозвалась Надежда, тем не менее испуганно покосившись назад.

– Такие на все имеют право, – возразил Роман.

– А вы разве знаете его?!

– Я хорошо знаю таких, как он. И поверьте, они все одинаковые.

– Да… Возможно, – рассеянно согласилась Надежда и снова надолго замолчала.

– Я могу узнать, куда мы едем? – прервал затянувшееся молчание Роман.

– Да, конечно, – спохватилась Надежда. – Если вам позволяет время, не могли бы вы доехать со мной до моего дома? Здесь недолго, еще минут десять…

– Ради бога, не оправдывайтесь, – улыбнулся Роман. – Я же сказал, что вы целиком можете располагать мною.

– Благодарю вас, – с чувством сказала Надежда. – Вы не представляете, как…

Вдруг слева на них наскочил огромный черный джип. Надежда, едва увидев его, затравленно ахнула и прижалась к Роману, как бы ища у него защиты.

– Ну вот, – философски заметил Роман, – я же говорил.

Джип тем временем, едва не наезжая крылом на такси, держался рядом. Затем переднее окно в нем опустилось, и чья-то рука жестом приказала таксисту сворачивать к обочине.

– Не останавливайтесь! – крикнула Надежда.

– Ага! – возразил таксист, пригибаясь к баранке. – Попробуй тут не остановись. Они ж палить начнут…

– Делайте, как они приказывают, – сказал Роман, привычно переходя от состояния ленивой, хмельной расслабленности к состоянию повышенной физической и психологической готовности.

– Вы не понимаете, – округляя глаза, громко зашептала Надежда. – Это страшные люди!

– Посмотрим, кто страшнее, – улыбнулся Роман.

Он уже был полностью готов к бою.

Таксист, подчиняясь требованиям джипмена, свернул к обочине (шоссе здесь было довольно пустынным) и остановился. Джип проехал немного дальше и тоже приткнулся к бровке, не заглушая двигателя. Из него чуть вразвалку выбрались два широкоплечих парня в кожанках и остановились в пяти шагах от такси. Один из них сделал приглашающий жест широкой ладонью. Оба они поганенько улыбались.

– Я пойду к ним, – обреченно сказала Надежда. – Они все равно не отстанут.

– Посидите несколько минут здесь, – попросил Роман, открывая дверцу. – Только, пожалуйста, тихо.

– Не нужно… – попыталась задержать его Надежда.

– Да не лезь ты, парень, глянь, какие они амбалы! – сказал и таксист, сочувствуя Роману, не отличавшемуся богатырским сложением.

– Теряем время, – сказал Роман, выбираясь из такси.

Он медленно подошел к парням, изучая тончайшие оттенки их поведения и внешнего вида. Ребятишки крепкие, ничего не скажешь. Литые шеи, красиво-покатые спортивные плечи. И не раскачанные без меры «шкафы»-культуристы, которых даже и бить как-то неловко, а отлично скроенные, опытные и очень опасные бойцы. Тут чуть зазеваешься – и пиши пропало.

– Какие-то проблемы, парни? – миролюбиво спросил Роман, останавливаясь в трех шагах от них и немного сбоку от того, который был ближе к обочине.

– Никаких проблем, – ухмыльнулся снисходительно дальний от него верзила. – Ты нам сто лет не нужен. Иди своей дорогой, человече.

– То же самое могу предложить и вам, – с пьяноватой улыбкой сказал Роман. – Садитесь в свое корыто и ч-чешите подальше, п-пока я добрый.

– Чо-чо?! – изумился верзила и аж потряс головой. – Ты чо это такое сейчас сказал, дурик?

– Да ладно, – хмуро сказал тот, что был ближе к Роману. – Не видишь – неученый. Щас поучим…

Он сделал навстречу Роману два быстрых шага и, не тая своих намерений, нанес мощнейший – и не думал, гаденыш, шутить, бил наповал, насмерть – прямой удар кулаком в подбородок. Роман ушел от этого удара мгновенным уклоном вбок и «клювом» сложенных вместе пальцев ударил нападавшему в глаз. Бил он без всякой жалости – не те были люди и не та ситуация, чтоб жалеть. Дикий крик потряс тихую улицу. Схватившись двумя руками за пораженный глаз, противник отпрянул к бровке, зацепился за бордюр, упал и, вопя от боли, покатился по траве.

– Ах ты… – только и сказал второй, тут же принял стойку и упруго двинулся на Романа.

Теперь он понял, что перед ним не выпивший доходяга, которого можно пришибить одним щелчком, а очень серьезный и хладнокровный боец. И бой он ему собрался дать такой же серьезный и жестокий.

– Может, не надо… – не становясь в ответную стойку и вообще не двигаясь, предложил Роман. – Молодой ведь еще, жить да жить. Чего нам делить-то?

Но противник, не обращая никакого внимания на его слова и тем самым подтверждая свою опытность, сделал обманный финт корпусом и рукой и почти сразу ударил твердым носком ботинка в голень Романа.

Роман этот удар предвидел и легко убрал ногу, сместившись чуть в сторонку.

Тогда нападавший провел целую серию мощных ударов руками и ногами, каждый из которых при попадании в цель способен был вывести из строя хоть Майка Тайсона.

Но Роман попасть в себя так и не дал. Делая уклоны и короткие уходы вправо-влево-назад, благо место позволяло, он в неуловимую долю секунды вдруг подсел под летящую ногу противника и ударил его локтем в пах. Удар наносился навстречу и оттого был страшен вдвойне. Сдавленно хрюкнув, нападавший переломился пополам и упал на землю, не подавая признаков жизни.

Роман поправил задравшиеся рукава пиджака, бросил последний взгляд на поверженных врагов – добром же просил убраться восвояси – и уже собирался вернуться к оставленной в такси спутнице, когда задняя дверца джипа распахнулась и послышался хриплый, дрожащий от ярости голос:

– Стой, сука!

Роман с удивлением повернулся к джипу. Кто это там столь некультурно выражается?

Из джипа выскочил тот самый «бульдог», от которого сбежала Надежда. Вот те на, хозяин-то, оказывается, все время был здесь. Роман думал, что он послал за Надеждой своих псов, а сам в ресторане дожирать и допивать остался. А он весь тут, стало быть, под боком. Ну

и чего выскочил, интересно знать? Кулаками решил помахать? Не видел, что из этого вышло? Ну, тогда ты поглупее своих телохранителей будешь.

– Вы – мне? – на всякий случай спросил Роман.

– Тебе, козел, кому же еще? – низким басом заревел «бульдог», наступая на Романа. Был он плечист, широк, длиннорук – из бывших борцов-тяжеловесов, не иначе – и для обычного человека представлял немалую угрозу. – Ты чо, думаешь, все кончилось, да? Повалял моих бойцов и думаешь – самый тут крутой?

– Можно короче? – поморщился Роман. – Меня ждут.

– Что?! Да я тебя под землей найду! – останавливаясь перед Романом, зашелся бешеным хрипом «бульдог». (Но нападать, правда, не спешил, видно, кое-что все же понял.) – Да ты уши свои жрать будешь, лох вонючий! Да я таких, как ты, сотнями душил…

Не дожидаясь конца этой чрезмерно эмоциональной речи, Роман с наслаждением засадил классический боксерский крюк прямо в середину маячившей перед ним раскормленной рожи. Под кулаком хрястнуло, «бульдог» со стоном дернул квадратной головой и обеими руками схватился за нос. Ноги его подкосились, и он тяжело ткнулся коленями в асфальт, не отнимая рук от лица. Из-под ладоней на подбородок и расстегнутый на жирной груди ворот белой шелковой сорочки густо текла кровь.

– Теперь ты меня послушай, сволочь, – негромко, но очень внятно заговорил Роман, немного склонившись над ним. – Это я тебя под землей найду, если ты вздумаешь преследовать меня или Надежду. И если я тебя еще раз встречу…

Он сделал многозначительную паузу, увидел, что «бульдог» внимательно его слушает, и закончил:

– В общем, надеюсь на твое здравомыслие.

Он вернулся к такси, сел на заднее сиденье и сказал тупо молчавшему шоферу:

– Трогай, командир.

Тот послушно завел двигатель, осторожно объехал ристалище и брошенный джип и лишь после этого дал газу на полную катушку.

– Ну, ты даешь… – сказал было он, крутнув головой, но тут же замолк, видно сочтя за лучшее помолчать.

– Спасибо, – сказала Надежда, когда джип остался далеко позади. – Это было великолепно. Всю жизнь мечтала, чтобы хоть кто-нибудь… Спасибо!

– Рад был вам угодить, – скромно отозвался Роман. – Кстати, можете не бояться. Сей пылкий субъект не будет вас преследовать – за это я ручаюсь.

– Вы такой мужчина… – понизив голос до бархатного мурлыканья, выдохнула вдруг Надежда. Она вплотную придвинулась к Роману и положила горячую ладонь ему на бедро. – Вы такой…

Он посмотрел ей в глаза. В свете неоновых фонарей они сияли восторженно и бездонно. Она потянулась к нему губами, он склонился навстречу – и огненный поцелуй ожег ему губы.

– Вы не откажетесь зайти ко мне домой? – тяжело дыша, спросила Надежда, на минуту отстранившись от него. Ее голос звучал умоляюще, одна рука теребила волосы на затылке Романа, другая уже проникла под рубашку и робко ласкала его тело.

– Если вы приглашаете… – чувствуя, что начинает заводиться сам, прохрипел Роман.

– Да… Я приглашаю вас… Приглашаю… – задыхаясь от страсти, едва слышно прошептала она. Голова ее откидывалась назад, из-под полуопущенных ресниц дивно сияли огромные глаза.

Роман улыбнулся, кивнул в знак согласия, обнял ее за талию и нежно, но властно привлек к себе.

23 сентября, 10 утра, ГРУ

Роман шел по коридору и гадал, зачем его вызвал генерал Слепцов. Ничего не было сказано по телефону во вчерашнем звонке подполковником Дубининым. Только «явиться завтра к десяти ноль-ноль». Роман попытался было расспросить, что за надобность такая срочная возникла (после дела с бомбой о нем словно забыли), но Дубинин, хоть и был хорошим знакомцем, ничего более не прибавил и сразу дал отбой.

Делать нечего, служба есть служба. Роман с утра, вернувшись от Надежды – последнее время он чуть не поселился у нее, – побрился, переоделся в скромный костюмчик, чтоб зазря не раздражать Слепцова, и отправился на зов трубы, то есть дубининского мобильника.

Ровно в десять он вошел в приемную. Дубинин, увидев его, сразу снял трубку внутренней связи.

– Морозов здесь, товарищ генерал, – глядя на Романа одним глазом, интимно проворковал он в трубку.

Чем-то Роману все это не нравилось, а чем – сам не мог понять.

– Привет, разведка, – подал он руку Дубинину, собираясь присесть на стул. – Что тут за дела?

– Давай, заходи, – отвечая вялым рукопожатием и не давая ему сесть, указал Дубинин подбородком на дверь генеральского кабинета. – Товарищ генерал уже ждет.

– Чего ждет-то? Шепни хоть пару слов…

– Там тебе все расскажут. Давай, вперед.

Роман обидчиво вздохнул и открыл дверь.

– Разрешите, товарищ генерал?

– Входите, – кивнул Слепцов.

Он вышел из-за стола, подал Роману руку, чего ни разу на памяти последнего не случалось, и радушно – если не сказать ласково – усадил на стул.

От всего этого Роману стало тоскливо, как бедолаге Шарику из «Собачьего сердца» в день знаменательной операции. Захотелось немедленно встать и бодро выйти вон. Было бы это в школе на уроке или, скажем, в институте на экзамене – вышел бы и не задумался, целиком доверившись интуиции, просто-таки воющей от недобрых предчувствий. Но поскольку дело происходило не в школе и не в институте, а в штаб-квартире Главного разведывательного управления, то он остался сидеть на месте и даже виду не подал, что чем-то смущен. Ладно, сперва послушаем, для чего звали, а потом и выводы делать будем.

Усевшись за свой стол, Слепцов некоторое время молчал, бросая на Романа лучезарные взгляды.

«Совсем плохи дела», – приуныл тот.

– Как настроение, товарищ капитан? – спросил Слепцов, откидываясь на спинку кресла.

– Спасибо, ничего, – сдержанно отозвался Роман.

Они снова помолчали, присматриваясь друг к другу, как два боксера перед схваткой. Причем Роман почти наверняка чувствовал, что этот бой он проиграл еще до того, как тот начался.

– Чего вызывали, товарищ генерал? – наплевав на субординацию, грубовато спросил Роман, напомнив себе, что лучший способ обороны – нападение. Заодно и обстановку пора прощупать.

– Ну, вы еще на службе, товарищ капитан, – блеснул очками Слепцов.

– Да? А я уже думал, что нет.

– Почему так? – быстро спросил Слепцов.

– Ну как же? За последнее дело я получил таких… извините, что ничего, кроме увольнения, от родной конторы не ждал.

– Ну почему увольнение? – поморщившись при слове «контора», возразил Слепцов. – После тщательного разбора ситуации мы пришли к выводу, что вы приняли единственно верное решение. Были небольшие просчеты в ваших действиях, не скрою, были. Но, во-первых, у кого их нет, хе-хе-хе? А во-вторых, учитывая сложность обстановки и дефицит времени, вы сделали максимум возможного для того, чтобы предотвратить опаснейший взрыв в общественном месте. Ну, то, что погиб фигурант, досадная случайность. Непосредственно вашей вины в том нет…

Роман хмуро молчал, вспоминая слова Слепцова двухнедельной давности. Тогда они были прямо противоположны нынешним, хотя беглого ознакомления с делом было достаточно, чтобы понять правомерность действий Романа. К чему тогда эта речь, похожая на извинения? Слепцов никогда вины своей не признавал и уж тем более извинения у подчиненных не просил. Ох, неспроста все это. И Дубинин, змей, ничего не стал говорить, хотя наверняка знает, что здесь затевается. За время, которое Роман работал в отделе Слепцова, он привык к тому, что ему поручают самые грязные дела. Но на этот раз ему приготовили что-то архипаскудное.

– Так что, капитан, можете быть уверены: вы не только ни в чем не виноваты, а даже отличились по службе. Что, кстати, я не преминул внести в ваше личное дело, – закончил наконец свой панегирик Слепцов.

– Угу, отличился, – проворчал Роман. – Причем так, что вы две недели обо мне не вспоминали?

– Ну, надо было во всем разобраться, – мягко возразил Слепцов. – К тому же вы отдохнули, набрались сил перед новым и очень ответственным заданием…

«Вот оно, – подумал Роман, лениво поглядывая на Слепцова. – Подать рапорт, пока не поздно, пока не узнал государственную тайну? То-то Леня рад будет».

– Сразу должен предупредить: задание чрезвычайной важности. Вам доверяется особая миссия.

«С чего бы это? – соображал Роман. – Обычно для особых миссий Слепцов своих любимчиков выдвигает, а меня лишь объедки за ними посылает подбирать. Может, после „библиотеки“ ему дали по шапке за то, что ценный кадр зажимает, и приказали дать человеку нормальный шанс проявить себя?»

– Миссия-то выполнима? – спросил он, прикидываясь на всякий случай приятно обрадованным.

– Это зависит от вас, – строго сказал Слепцов. – Но мы очень надеемся, что вы проявите все свое умение и проведете операцию на самом высоком уровне.

Он замолчал, барабаня пальцами по столу и испытующе глядя на Романа: дескать, а справишься ли ты, засранец, с таким ответственным поручением?

Молчал и Роман, думая о том, останется ли он жив после операции и сможет ли воспользоваться тем, что ему удалось заработать с помощью Лени на последних биржевых сделках.

– Вам предстоит отправиться на Ближний Восток, – сказал Слепцов очень тихо, как будто кто-то их мог здесь подслушать. – А именно – в Ирак.

– В Ирак? – поразился Роман. – Но Ближний Восток – не мой профиль. Я могу работать в Европе, в Америке – но только не на Ближнем Востоке. Я не знаю ни одного тамошнего языка, незнаком с местными обычаями и вообще не люблю этот регион…

– Ничего, – прервал его Слепцов. – Знание языков от вас и не потребуется. Обычаи же мусульман во всех странах Ближнего Востока примерно одинаковы, а вы служили полтора года в Афганистане и кое-чему там научились.

– Только что – кое-чему, – пробурчал Роман, видя, что Слепцов ничуть не смущен его доводами. – Но что я там буду делать, не зная языка? Или, – вдруг подозрительно глянул он на Слепцова, – вам понадобился курьер? Тогда бы так прямо и говорили.

– Нет, – снова оборвал его Слепцов. – Не курьер.

Он поднялся из-за стола, жестом приказав Роману сидеть, и прошелся взад-вперед по просторному кабинету. Сия ходьба означала усиленную работу мысли, и Роман с досадой водил за Слепцовым головой вправо-влево, дожидаясь, когда начальство изволит высказаться подробнее.

– Я думаю, для вас не секрет, что мы поддерживаем легитимное правительство Ирака, – начал наконец издалека Слепцов. – Для нашей страны очень выгодно стратегическое партнерство с этой ближневосточной страной. Поэтому в свое время мы сохраняли дружеские отношения с Саддамом Хусейном и, невзирая на разные политические пертурбации, происходящие ныне в Ираке, сохраняем прежний курс, направленный на самое тесное с ним сотрудничество.

Он искоса глянул на Романа, словно желая убедиться, достаточно ли внимательно тот слушает, прошелся туда-сюда и неторопливо продолжил:

– Как вам, надеюсь, известно, власть в стране сейчас принадлежит шиитам и курдам. Но сунниты, которые были правящим кланом при Хусейне, жаждут вернуть себе утраченную власть. Для этого им нужно в первую очередь современное оружие. Шииты, которых, как правящий класс, мы вынуждены поддерживать теперь, также нуждаются в первоклассном вооружении. И наша страна, заключив двусторонний договор – разумеется, тайный – с законным правительством Ирака, поставляет ему наше новейшее оружие. При нашем посольстве в Багдаде работает представитель Росвооружения, Илья Ильич Сергачев. Он опытный работник, и до недавнего времени к нему не было никаких претензий. Но вот три недели назад во время боестолкновения с суннитскими радикалами американцы в числе прочих трофеев захватили портативную ракетную установку нового поколения российского производства. И все указывает на то, что установка эта была из той партии оружия, которую мы продали накануне правительству Ирака. Скандал кое-как замяли, но, как вы понимаете, и у арабов, и у нас, и у американцев остались сомнения довольно неприятного свойства. И ладно бы это был единичный случай. Так нет, на прошлой неделе имела место быть схожая ситуация. На этот раз, слава богу, правительство Ирака ничего не узнало, иначе больших неприятностей было бы не избежать. Но рано или поздно все раскроется, и неизвестно, как далеко все это может зайти. Вы меня понимаете?

– Вы подозреваете Сергачева? – прямо спросил Роман.

– Однозначно кого-то подозревать трудно, – сказал Слепцов, усаживаясь за стол. – Сергачев – работник проверенный, до сих пор ни в чем предосудительном не замеченный.

– Но кто-то же толкает оружие налево, так? – уточнил Роман.

– Похоже, что толкает, – согласился Слепцов, не без усилия повторяя жаргонизм Романа. – Но дело в том, что продавать оружие суннитам может не только Сергачев. Возможно, в этом замешан кто-то из его заместителей. Возможно, существуют нечистые на руку местные чиновники, занимающиеся армейскими поставками. Возможно – и это нас настораживает больше всего, – оборотень существует здесь, в России. Он заключает сделки с суннитами и поставляет им оружие по каким-то своим каналам. В общем, гадать сложно. Нужно разбираться на месте.

– А что, на месте еще нет нашего человека? – ехидно спросил Роман.

– Есть, конечно. Но он, как бы это сказать…

– Не справляется? – подсказал Роман.

– Ему сложно действовать в одиночку, – сделав вид, что не услыхал «подсказку», сказал Слепцов. – Ситуация требует тщательного расследования. Майор Крохин – так зовут нашего

человека – запросил надежного помощника. Вот вы, капитан Морозов, и были выбраны в качестве такового.

– Майор Крохин, – пробормотал Роман. – Значит, снова за кем-то дерьмо подчищать?

– Умерьте тон, капитан, – холодно приказал Слепцов. – Майор Крохин – отличный профессионал с большим опытом оперативной работы. И если ему потребовался напарник – это неспроста. Не волнуйтесь, вам тоже хватит забот. И именно от вас зависит, как быстро мы сможем выявить нелегальный канал продажи оружия повстанцам.

– Можно узнать, что именно мне предстоит делать? – спросил Роман, более или менее удовлетворенный таким ответом.

– Все инструкции получите от майора Крохина непосредственно на месте. Он введет вас в курс дела и очертит круг обязанностей. Связь будете держать через него. Денежные средства получите также у него.

– Понятно, – кивнул Роман. – Разрешите задать один маленький вопрос, товарищ генерал. Как говорится, на всякий случай?

– Да, я вас слушаю.

– Если между мной и майором Крохиным возникнут некоторые… э-э… недоразумения, с кем мне тогда поддерживать связь? Лично с вами? Или…

– Никаких недоразумений возникнуть не должно, – ледяным тоном оборвал его Слепцов. – Вы поступаете в подчинение майору Крохину и четко выполняете его приказания. Имейте в виду: если вы вздумаете затевать какую-то свою игру, это вам очень дорого обойдется. Никакой самодеятельности. Работаете в паре, вторым номером. Нравится вам это или нет. Дело на моем личном контроле, поэтому мне будет известен каждый ваш шаг. Все, вы свободны. Ваш отлет назначен на завтра. Дальнейшие инструкции и соответствующие документы получите в десятом кабинете.

От первоначальной любезности Слепцова не осталось и следа. Кажется, Роман здорово разозлил его своим «маленьким» вопросом.

– Разрешите идти, товарищ генерал? – очень довольный таким результатом, спросил Роман.

– Идите, – раздраженно махнул рукой Слепцов.

Роман вышел в приемную, закрыл дверь и подсел к столу Дубинина.

Тот был занят тем, что подшивал документы в папку, и на Романа глянул без большой радости.

– Только два слова, – сказал Роман.

– Ну? – не поднимая глаз, отозвался Дубинин.

– Майор Крохин.

Дубинин некоторое время молчал, насаживая лист на кривоватые скобы скоросшивателя. Роман выжидательно качал ногой, всем своим видом давая понять, что не уйдет, пока не получит ответ.

– Крохин – протеже шефа, – сказал Дубинин, приладив лист и взявшись за следующий. – Когда-то Слепцов был его куратором и потом взял в свой отдел. Парень очень способный, прирожденный разведчик. Делает карьеру и не скрывает этого. Тридцати еще нет – а уже майор. Но ведет себя, в общем, прилично. Шеф за него кому хочешь глотку перегрызет.

– И похоже, мне первому, – подытожил Роман. – Ясно. Большое спасибо за информацию. Предупрежден, как говорили древние, значит, вооружен.

– Ну-ну, – скептически покивал Дубинин.

– Что значит: ну-ну? – насторожился Роман.

Но в этот миг загудел сигнал вызова. Дубинин смахнул папку с бумагами в стол, щелкнул замком, ключ сунул в карман и побежал в кабинет шефа. На Романа он уже не обращал ни малейшего внимания. Ну понятно, когда начальство вызывает, все остальные побоку.

Видя, что в приемной ему делать больше нечего, Роман поднялся и отправился в десятый кабинет, где на него должны были оформить путевые документы.

Прокручивая затем в голове слова Слепцова и Дубинина, Роман пришел к выводу, что им снова затыкают какую-то дыру. «Особая миссия» – это красивая обертка для простофили. Там уже действует «миссионер», молодой, амбициозный выдвиженец шефа. Поди, негодяй еще тот. Где-то он запнулся, скорее всего, не пожелал совать голову в ловушку, и Слепцов тут же придумал, кого можно подставить вместо своего любимчика. Есть такой стареющий, бесперспективный, ершистый капитан Морозов, субъект крайне неприятный и непредсказуемый, живущий к тому же нетрудовыми доходами, – одним словом, человек абсолютно лишний в той серьезной организации, которая призвана защищать мирный труд российских граждан. Вот он-то как раз и сгодится в качестве «расходного материала» для далеко идущих планов майора Крохина и его славного куратора генерала Слепцова.

Впрочем, возможно, не все столь драматично. Опыт и заслуги Романа никто не возьмется отрицать, хоть бы тот же Слепцов. Возможно, признавая профессионализм Романа, он действительно решил «укрепить» им майора Крохина, надеясь, что Роман, человек старой закалки, не станет впадать в амбиции, а от души поможет младшему товарищу выполнить сложное задание. Ход мыслей начальства иногда понять трудно, а порой и вовсе невозможно. Не вызывало сомнения только одно: узнать ситуацию досконально – и понять в том числе ход мыслей начальства – Роман сможет только на месте. А значит, гадай не гадай, а в дорогу собирайся.

Ближе к вечеру он позвонил Лене, уже заранее зная, какие напутствия он от него услышит.

– Хорошие новости есть? – сразу спросил Леня.

– Увы, Леньчик, только плохие.

– Не расстраивай меня.

– Я и сам расстроен, – вздохнул Роман.

– Ну что там? Опять проигрался в казино?

Леня тонко знал текущие неприятности Романа.

– Хуже, Леня. Меня посылают в командировку.

– Надолго?

– Ну… Думаю, недели на две, не меньше.

– Чтоб она сгорела, эта твоя служба, – выругался Леня, вообще-то интеллигентнейший человек. – Значит, ты так ничего путного по «Сибгазу» и не узнаешь?

– Ну почему? – промямлил Роман. – Я постараюсь…

– «Постараюсь…» – передразнил его Леня. – Работать надо, Рома, ра-бо-тать! А старайся ты в другом месте.

– Возможно, я вернуть раньше и что-нибудь успею нарыть.

– Раньше, позже, – возразил Леня. – Это все детские разговоры. Все решается в ближайшие дни, и если до конца сентября мы ничего не узнаем, мимо нас пролетит огромный кусок пирога, который с удовольствием сожрет кто-нибудь другой. И рой потом, не рой – назад уже ничего не воротишь.

– Но ведь кое-что ты можешь узнать и по своим каналам, верно? – напомнил Роман.

Лучше бы он этого не говорил.

– Да, могу, – ядовито ответствовал Леня. – Но в таком случае позволь вопрос: зачем мне ты? Если я сам делаю всю работу, то для чего мне напарник? Только для того, чтобы делить с ним заработанные мной деньги?

– Можешь из этой сделки меня исключить, – прямо рубанул Роман. – Я не обижусь.

– Мне эти русские… – после непродолжительной паузы сказал Леня. – Не будь ребенком, Рома. Черт с ней, с твоей службой, я уже понял: тебя не переделать. Езжай в свою командировку

и береги хорошенько свою голову. Я все сделаю и тебя не забуду. Но имей в виду: если что-то полезное услышишь, не поленись набрать мой номер и это «что-то» мне сообщить.

– Да что я услышу? В тех краях, куда я еду, «Сибгаз» никого не интересует.

– Сколько лет ты со мной работаешь, а так ничего и не понял, – посетовал Леня. – Запомни, Рома: нет такого места на земле, где людей не интересовало бы, как можно заработать деньги. Другое дело, что люди должны быть правильные. Ты меня понимаешь?

– Понимаю, Леня.

– Ну и прекрасно. Найди таких людей и звони. Жду звонка в любое время суток. Договорились?

– Договорились, – повеселел Роман.

– Ну тогда все. Желаю тебе счастливого пути. Надеюсь, и на этот раз мир будет спасен и ты вернешься в целости и сохранности.

– Я тоже на это надеюсь.

– Тогда до скорого, напарник.

– До скорого, – кивнул Роман, отключаясь.

Все-таки хоть и тепло попрощались, но у него осталось неприятное ощущение, что Леня не то накрутил ему ухо, не то поставил в угол. А скорее, и то и другое вместе.

Совсем другое прощание ожидало его в квартире Надежды, куда он заехал вечером «на часок».

Мало того, что она не давала ему уснуть всю ночь, лаская его неутомимо и исступленно, так еще почти всю ночь проплакала, не желая с ним расставаться не то что на неделю – на день!

– Ты не вернешься! – твердила она, покрывая все его тело жадными поцелуями. – Я знаю: ты не вернешься…

«Тьфу, тьфу, тьфу», – сплевывал незаметно через левое плечо Роман.

Он, конечно же, ничего не говорил ей ни о своей работе, ни тем более о цели командировки. И страну он ей не называл, соврав, что летит в благополучную Италию. Но бабу не проведешь, баба – она сердцем чует (тем более таким, какое было у Надежды), и оттого она билась над ним в любовном пароксизме и шептала заклинания, словно они могли заставить его позабыть все обязанности и навсегда остаться у нее, в огромной уютной квартире на последнем этаже башни-высотки – эдакий сказочный замок под облаками.

– Да вернусь, Надя, куда я денусь, – бормотал Роман, гладя ее по шелковистой спине и вздрагивая от особенно чувствительных прикосновений ее гибкого языка. – Сто раз ездил и возвращался. Вернусь и на этот раз.

– Не уезжай, – хрипло шептала Надежда, терзая его и себя, – не уезжай…

Роману удалось уснуть только под утро, когда солнце выходило из-за дымного горизонта, бросая длинные лучи на закипающий в бешеной деятельности город-исполин. Однако спал Роман не больше трех часов, потому что даже и во сне четко помнил, что в четырнадцать тридцать у него вылет из Домодедова, и никто рейс задерживать не будет.

Наскоро выпив чашку крепкого кофе, заботливо приготовленного Надеждой, молчаливой и печальной, он коротко поцеловал ее на прощание и помчался домой, чтобы захватить в дорогу кое-какие необходимые вещи. Из дому он поспешил в контору за документами и уже оттуда выехал в аэропорт.

Перелет из Москвы в Багдад Роман почти не запомнил, ибо, оказавшись в кресле, сразу после взлета погрузился в глубокий сон и проснулся только тогда, когда самолет заходил на посадку и стюардесса заботливо проверяла, все ли пассажиры пристегнуты ремнями безопасности.

Потянувшись и глянув в иллюминатор, Роман увидел ярко-голубую полосу неба и под ней – раскаленное желтое марево.

«Ну, здравствуй, Ирак», – невесело усмехнулся он, мягко качнувшись в кресле.

Самолет благополучно приземлился и покатил по полосе, замедляя ход.

24 сентября, Багдад

Спускаясь по трапу, Роман посматривал по сторонам. Впереди, в желтовато-серой дымке, широко расстилался большой город. Белели стены домов, высились тонкие иглы минаретов. Справа, на линии горизонта, в небо поднимались черные клубы дыма. Освещенный солнцем, косо пролетел хищный военный вертолет. Так и казалось, что сейчас в его бок вопьется взлетевшая с земли ракета.

«Что я здесь забыл?» – подумал Роман, отводя взгляд от нерадостного пейзажа.

Таможенный контроль он прошел без задержки. Толстый усатый таможенник, только увидев российский паспорт, не глянув на дорожную сумку и не спрашивая о цели визита, шлепнул оттиск туристической визы и с уважением вернул паспорт Роману.

– Жилаем приятнава одыха, – с улыбкой сказал он.

– Спасибо, – кивнул Роман. – Дай-то бог…

За таможенным барьером стоял широкоплечий, сильно загорелый, молодой темноволосый мужчина в светлом костюме. Его глаза были прикрыты темными очками, но Роман без труда догадался, что взгляд их обладателя направлен на него.

Едва Роман пересек барьер, молодой человек шагнул к нему, одновременно снимая очки.

– Роман Евгеньевич? – негромко спросил он.

Взгляд его серых глаз был открыт и сердечен.

– Да, я, – слегка удивившись церемонному «Роману Евгеньевичу», ответил Роман.

– Антон Крохин, – запросто представился тот. – Здравствуйте.

– Здравствуйте, – пожал Роман крепкую руку.

Несмотря на довольно высокую температуру – градусов двадцать пять, не меньше, – ладонь Крохина была абсолютно суха.

– Пойдемте к машине? – предложил он.

– Как прикажете, товарищ майор, – кивнул Роман, решив придерживаться строгой субординации.

– Ну что вы, Роман Евгеньевич? – бесхитростно улыбнулся ровными белыми зубами Крохин. – Я ничего не собираюсь вам приказывать. И давайте без званий, если вы не против. Зовите меня просто Антон. Хорошо?

– Хорошо, – пожал плечами Роман. – Тогда и вы меня называйте просто Романом.

– Мне сложнее, – засмеялся Крохин. – Я ведь еще курсантом на ваших делах учился и восхищался ими. Можно сказать, ваш давний поклонник. Всю жизнь мечтал поработать с вами. И вот – повезло. Так что не мне вам приказывать, а наоборот…

Он говорил просто, ненавязчиво, легко, одновременно развлекая гостя и сообщая ему информацию. Ну, и лести немного подпускал мимоходом, но делал это так открыто и простодушно, что Роман невольно глянул на него дружелюбнее.

Они вышли из здания аэропорта, и Крохин шутливым жестом указал на обтерханный белый джип из славного семейства «Форд», выпущенный году эдак в восьмидесятом прошлого столетия. Шины, правда, были новенькие, но вот все остальное…

– Вот и мой лимузин. Прошу.

Возле машины стоял молодой крепкий мужчина родом из этих мест. При виде Крохина и гостя он широко улыбнулся и приоткрыл заднюю дверцу.

– Это мой водитель и помощник Раад. Знакомьтесь.

Роман пожал руку водителя, тот без лишних слов подхватил его сумку и положил в багажник.

– Садитесь назад, Роман Евгеньевич, я сяду рядом с вами, – сказал Крохин.

Роман сел на продранное сиденье, недоумевая, почему любимец Слепцова ездит на такой развалюхе, хотя бы даже и в находящемся на осадном положении городе. Однако его сомнения разрешились сразу после того, как Раад включил зажигание. Мотор заурчал ровно и мощно, будто только что сошел с конвейера.

«Умно, – усмехнулся про себя Роман. – С виду – старье старьем, никто на него не позарится. А нутро – как у гоночного автомобиля. Умно…»

– Спецзаказ, – сказал Крохин, без труда угадав мысли Романа. – Тут лучше на хорошей машине не ездить. Или угонят – никакая противоугонка не спасет, или под обстрел попадешь. Потом на ремонте разоришься, кузовные работы стоят здесь целое состояние. Да и так лучше не светиться. Лишнее внимание ни к чему…

– Угу, угу, – согласно покивал Роман.

– А этот можно бросить где угодно – и никаких проблем. Разве что пацаны облепят посмотреть. Зато если надо, сто восемьдесят без проблем. Подвеска любые ухабы выдержит… Обошлось недешево, сами понимаете, работа штучная, но дело того стоило.

Роману в самом деле начинало казаться, что перед ним всего лишь новобранец, желающий похвалиться перед старослужащим своей практичностью и опытностью в житейских делах. Меньше всего Крохин подходил под описание карьериста-горлохвата. Парень как парень, нормально встретил, нормально разговаривает, тон вполне почтительный, видно, и вправду знает кое-что о деятельности гостя.

«Может, сработаемся, – подумал Роман, усаживаясь поудобнее. – И зачем обязательно Слепцову меня подставлять? Я еще вполне пригоден для серьезных дел. Парню-то здесь одному, чай, тоже несладко».

Дорога от аэропорта проходила по полупустынной местности. У обочины стояли одинокие деревья, роняя скудную тень на горячую землю. Вокруг же, сколько видел глаз, лежали желтые каменистые песчаники.

По шоссе оживленно двигались машины. Среди них, помимо «жигулят» советского производства, можно было заметить современную импортную автотехнику. Причем техники этой было изрядное количество, что вызывало некоторое удивление. Наверное, решил Роман, в стране, где есть собственное дешевое горючее, приобретение приличной иномарки не составляет проблемы даже для небогатых жителей.

Сзади донесся требовательный вой сирены. Раад прижался к обочине, уменьшив скорость. Мимо них один за другим промчались сначала пятнистый БТР, затем три больших грузовика под тентами. Внутри грузовиков сидели вооруженные автоматами «М-16» парни в камуфляже. Колонну замыкали еще два БТРа. Немного сбоку от дороги проклекотал винтами вертолет «Апач».

– Американцы? – спросил Роман нахмурившегося Крохина.

– Они, – кивнул тот, на этот раз без своей обычной улыбки. – Наделали делов, теперь мечутся как угорелые. В стране бардак жуткий, каждый день – теракты, идет, по сути, необъявленная гражданская война. А эти, как обычно, стараются делать хорошую мину при плохой игре. Да вы и сами, наверное, все эту петрушку хорошо знаете?

– Более или менее, – усмехнулся Роман. – Что-то видел по телевизору, что-то читал в газетах, что-то слыхал от генерала Слепцова… Кстати, Слепцов сказал, что вы введете меня в курс дела относительно предстоящей операции?

– Обязательно, Роман Евгеньевич, – снова улыбнулся Крохин. – Но только не сегодня. Вы с дороги, устали, вам надо отдохнуть, присмотреться к обстановке. Сейчас я отвезу вас в гостиницу и, не сочтите за грубость, оставлю до завтра. У меня сегодня несколько важных встреч, надо много куда успеть. Сами понимаете, такая работа. А завтра утром, на свежую голову, обо всем поговорим. Кстати, завтра же нам предстоит сделать одну любопытную поездку… Впрочем, это завтра.

Они подъехали к мосту через реку. Дорогу более чем наполовину перекрывали бетонные блоки. Повсюду находились вооруженные люди. Среди них Роман увидел как представителей оккупационных сил, так и местных полицейских. Каждая машина сопровождалась пристальными взглядами, некоторые останавливались для тщательного досмотра.

Высоченный негр с нашивками сержанта армии США в нахлобученной на глаза панаме приветливо махнул Крохину, разрешая проезд.

– Вот уже и полезные знакомства завелись, – широко улыбнулся Крохин, кивая негру.

– Ребята небось ждут не дождутся, когда им позволят убраться домой, – сказал Роман.

– Да уж… – согласился Крохин, в одно мгновение стирая улыбку с лица после того, как заграждение с негром-сержантом осталось позади.

Они переехали мост, и Раад уверенно повел свой «Форд» по улицам Багдада. В этот час они были густо запружены автомобилями, водители которых, казалось, даже не догадываются о существовании правил дорожного движения. Потоки машин в три-четыре ряда неслись на довольно высоких скоростях, почти не обращая внимания на светофоры и совсем не замечая дорожных знаков. Как успел заметить Роман, многие водители, в том числе и Раад, объяснялись друг с другом выставленной в открытое окно левой рукой, и делали это столь привычно и искусно, что легко избегали, казалось бы, неминуемых столкновений.

– Интересная здесь манера вождения, – заметил Роман.

– Здесь все интересное, не соскучишься, – отозвался Крохин.

Раад на полной скорости объезжал огромную площадь с бассейном и монументальной трибуной.

– Что это за место? – спросил Роман.

– Площадь Тахрир. Это центр Багдада. Нечто вроде Красной площади в Москве. Здесь по праздникам проходят парады войск и народные демонстрации. Проходили… – поправился не без сожаления Крохин.

– Кажется, вам не очень нравится, что Саддам больше не у власти?

– А разве это может нравиться? – вопросом на вопрос ответил Крохин, выделив слово «это» и поведя вокруг многозначительным взглядом.

Да, он был прав. Город если и не лежал в руинах, то являл собой безотрадное зрелище. Многие здания были сильно повреждены взрывами, иные совершенно разрушены. Повсюду виднелась искореженная техника. Уличная толпа, это мерило жизнедеятельности любого города, хоть и была довольно многочисленной, но не несла в себе того настроения благодушной суеты, которое присуще беззаботности мирного времени. Лица людей были напряжены, если не сказать угрюмы. Все ходили словно с оглядкой, поджидая опасности со всех сторон и в любую секунду. На каждой площади, на каждом перекрестке торчали армейские посты, что само по себе угнетающе действовало на горожан.

– При Саддаме иракцам было трудно, – сказал Крохин. – Но при Саддаме был железный порядок. Доблестный президент Буш этот порядок разрушил, а взамен, кроме орды вооруженных болванов, ничего стоящего, по сути, не предложил. И как здесь теперь будет дальше, знает один Аллах.

Роман, имеющий свой взгляд на «порядок», который несет народу любая диктатура, промолчал, с любопытством разглядывая проплывающие за окном виды большого красивого города – удивительной смеси современности и старины. Многоэтажные здания из бетона, мрамора и стекла, способные украсить столицу любой страны мира, а рядом – низкие частные домики с плоскими кровлями и деревянными балконами. Жилые однотипные кварталы из высотных домов, возведенные совсем недавно, и круглые купола мечетей, неизменные и нерушимые на все времена. Огромные рекламные щиты, на которых красовались политики в европейских костюмах, и пешеходы, одетые в просторные национальные одежды, древние, как сама эта земля…

Что бы там ни было, а город жил своей неугомонной жизнью. Вон во дворе мальчишки гоняют мяч, забыв обо всем на свете. У витрин магазинов выставлены большие блюда с пряниками, пирожками, пастилой и халвой всевозможных видов. Открыты двери в многочисленные ресторанчики. Женщины в накидках-абаях и платках-хиджабах, оставляющих открытыми только лицо, озабоченно снуют из лавки в лавку. Торопится куда-то, оживленно о чем-то переговариваясь, группа молодых людей в джинсах и майках, по виду – обычные студенты, занятые девушками да развлечениями. Бродячая собака разлеглась в тени под деревом и крепко спит, не выказывая и тени беспокойства…

– Вот мы и приехали, – сказал Крохин.

Они остановились на автостоянке, или, вернее сказать, на большой площади, сплошь заставленной автомобилями. Площадь окружали большие магазины и, судя по специфической, схожей во всех уголках мира архитектуре, государственные учреждения.

– Гостиница «Синдбад», – указал Крохин на одно из зданий явно не современной постройки. – Здесь вам забронирован номер. Надеюсь, понравится.

– Надеюсь, – откликнулся Роман, выбираясь из машины и принимая у Раада свою сумку.

Вслед за Крохиным, который дал знак Рааду оставаться в машине, он двинулся к гостинице.

Уже одно название ее вызывало в памяти очарование арабских сказок. Под стать названию она и выглядела. Тяжелые стены, арочные окна, прихотливый мозаичный узор на фасаде. Справа от входа – широкой двери между двумя голубыми колоннами – смуглый мужчина лет пятидесяти в пиджаке, надетом на длинную темную рубаху – дишдашу, торговал открытками, раскинутыми на двух больших деревянных щитах. Слева невысокий толстяк развесил пестрые домотканые ковры – кошмы. При виде гостей он расплылся в подобострастной улыбке, бормоча слова приветствия и предлагая купить свой товар. Но увидев, что гостей ковры не интересуют, сразу потерял к ним интерес и принялся оживленно переговариваться с коллегой.

В обширном прохладном холле Крохин взял ключи у портье, одетого в нарочитом национальном стиле, бросил ему пару коротких фраз на арабском языке, указав на Романа, и двинулся по широкой мраморной лестнице вверх.

– Ваш номер на втором этаже, – сообщил он Роману на ходу. – Очень удобно, если потребуется уйти или вернуться незаметно. Здесь все присматривают друг за другом, поэтому я специально подыскал для вас удобное в этом смысле место.

– Спасибо, – отвечал Роман. – Черный ход никогда не помешает.

Поднявшись на второй этаж, они прошли по коридору метров десять и остановились перед дверью с номером 207. Крохин повернул ключ в замке, распахнул дверь и пропустил вперед Романа.

– Прошу.

Роман вошел в просторное помещение. М-да, когда-то люди не ведали тесноты. На этой площади в нынешнем отеле разместилось бы три полноценных номера. А чего стоили люстры в виде глубоких тарелок, выточенные из мрамора? А кровать? Она была просто гигантских размеров. Пожалуй, какой-нибудь заезжий купец мог разместиться на ней со всем своим гаремом.

– Как вам? – с улыбкой обведя взглядом апартаменты, спросил Крохин.

– Впечатляет, – кивнул Роман.

Он заглянул в ванную. По величине она почти не уступала жилой комнате. Мозаичные стены, громадная каменная ванна, мраморный пол. И при этом отличная ультрасовременная сантехника – дань времени и отрада постояльцев.

– Наверное, этот номер недешево обошелся нашему скромному ведомству? – осведомился Роман.

Честно говоря, такая пышность ввиду предстоящего задания несколько озадачила его. Он бы предпочел что-нибудь поскромнее и подальше от центра.

– Нашему скромному ведомству он не стоил ни копейки, – с улыбкой ответил Крохин. – Иракское правительство кое-что нам должно, и даже не кое-что… Потому мы можем позволить себе держать номера для наших сотрудников там, где пожелаем, и при этом не входить в незапланированные расходы. Если вы думаете, что ваше присутствие будет здесь слишком заметно, то, уверяю вас, оно было бы не менее заметно, чем если бы вы поселились на окраине. Все иностранцы попадают под пристальное наблюдение местной контрразведки, и чем тщательнее они прячутся, тем усерднее за ними следят. В этом смысле в центре жить безопаснее. К тому, кто живет на виду и производит впечатление небедного человека, на Востоке относятся доверительнее, нежели к серому тихоне, который старается затеряться среди отдаленных районов.

Слушая его точную, ясную речь, Роман понял, что ошибся в первоначальной оценке Крохина. Парень не так прост, как хочет показаться, и наверняка знает здесь все вдоль и поперек. Знает и очень искусно этим пользуется. Хватка в нем чувствовалась железная, как бы простодушно он ни улыбался.

– Пройдемте на балкон, Роман Евгеньевич, – сменил тему Крохин, открывая балконную дверь, обтянутую противомоскитной сеткой. – Я вам кое-что покажу.

Роман вслед за Крохиным вышел на балкон – скорее, целую террасу. Отсюда открывался вид на реку и плывущие по ней лодки и катера. Над водой носились, отчаянно галдя, большие серые чайки.

– Это Тигр? – спросил Роман, подходя к перилам.

– Да, – кивнул Крохин, становясь рядом с ним и закуривая. – Тигр. Или Диджла, как называют эту реку арабы.

– Красиво.

– Здесь все красиво, – отозвался Крохин. – Красиво и величественно. Не земля, а сама Великая История, родина удивительнейших древних цивилизаций. Вавилония, Ассирия, халдейские княжества, доисторический Шумер, Лагаш… Кто здесь только не жил и не царствовал! Трех жизней не хватит, чтобы все исследовать. История Европы кажется совсем юной и недоразвитой по сравнению с историей этих мест.

– Вы всерьез увлекаетесь историей?

– Только когда есть свободное время. А его почти никогда нет, – засмеялся Крохин. – Но, Роман Евгеньевич, мы же договорились: обращайтесь ко мне на «ты»! А то я чувствую себя неловко.

– Договор был двусторонним, – напомнил Роман. – Меня, знаете, тоже «Роман Евгеньевич» коробит.

– Все, договорились, – поднял руки Крохин. – Переходим на «ты» в двустороннем порядке. Хотя мне, признаюсь, сделать это нелегко. Вы… прости, ты, Роман, один из тех людей, которых я на самом деле считаю своими учителями. Пускай даже и заочными. Но я столько узнал благодаря… тебе. Ты был и остаешься одним из лучших в нашем деле, и мне многому еще предстоит у тебя научиться.

– Ладно, Антон, проехали, – остановил его Роман, которому уже начали надоедать эти дифирамбы в восточном стиле. – Так что ты еще мне хотел показать, кроме Тигра?

Если Крохин и был недоволен тем, что его столь резко остановили, виду он не показал. Перегнувшись через перила балкона, он указал на что-то рукой:

– Посмотри туда.

Роман глянул вниз. Этаж хоть и второй, а до земли метров девять. Дважды хватит, чтоб убиться до смерти. И поблизости ничего похожего на пожарную лестницу.

– Если это твой черный ход, то он не для меня. Я пока летать не научился.

– Летать не потребуется, – возразил Крохин. – Вон там, в стене первого этажа, с правой стороны балкона, есть углубление, куда очень удобно можно поставить ногу. Затем – на перила балкона первого этажа, с них вон туда, на тот выступ, – и ты у себя в номере.

– Ого, – покачал головой Роман, представив восхождение во всех подробностях. – Боюсь, я уже на такие трюки не способен.

– Не прибедняйтесь, Роман Евгеньевич, – засмеялся Крохин. – Пардон, Роман… С твоей подготовкой сюда можно залезть с закрытыми глазами.

– Сам-то пробовал? – проворчал Роман.

– Сам – нет, – честно признался Крохин. – Но Раад по моей просьбе залезал. Сказал, очень легко.

– Ну, если Раад сказал… – пожал плечами Роман, решив, что спорить бесполезно. Похоже, что тут все уже обдумано за него. К тому же он хорошо помнил грозное напутствие Слепцова, обязывающее его во всем повиноваться майору Крохину. А раз так, наше дело маленькое. Надо залезть – залезем, прикажут взлететь – и это смогем.

– Ладно, Роман, мне пора, – сказал Крохин. – Дела не ждут. Завтра я заеду за тобой в семь утра. И по дороге все подробно расскажу о нашем задании.

– А что мне делать сегодня? – спросил Роман, вслед за Крохиным возвращаясь с балкона в комнату.

– А сегодня – отдыхай. С дороги это невредно. Еще хватит хлопот и на твою долю. Да, чуть не забыл…

Из внутреннего кармана пиджака Крохин достал пачку купюр, положил на стол.

– Это местная валюта, риалы. Здесь примерно на пять сотен американских долларов. Сходи вечерком, если будет желание развеяться, в ресторан. Здесь неподалеку, через два квартала направо от гостиницы, есть хороший ресторанчик, называется «Париж». Там собираются все европейцы и американцы, проживающие в Багдаде. Журналисты, торгаши, дипломаты, наш брат, разведчик. В общем, со всего мира шушера… Опять же там ты сможешь без опасения быть избитым или застреленным выпить спиртного, что в других публичных местах делать не рекомендуется, дабы не оскорблять религиозные чувства верующих.

– А где можно просто поесть? – поинтересовался Роман, порядком проголодавшийся к этому времени.

– Просто поесть ты можешь и у себя в номере. Нажми вот эту кнопочку, через минуту зайдет коридорный, и через него ты можешь заказать все, что тебе угодно. Лучше не мудрить и положиться на вкус прислуги. Она все сделает в лучшем виде. Готовят здесь прекрасно. На чай не давай, в этой гостинице чаевых не берут. Русский язык прислуга знает вполне сносно.

– И впрямь хорошее место.

– Ну так а я о чем? Все, побежал. До завтра. В семь утра я здесь.

Крохин ободряюще кивнул и вышел из номера.

Оставшись один, Роман еще раз осмотрел номер и, недолго думая, нажал на кнопку вызова коридорного.

Не прошло и минуты, как в дверь постучали. Это явился коридорный, приятного вида араб лет сорока с небольшим. Услыхав просьбу Романа об обеде, он с поклоном вручил ему объемистое меню, где на нескольких языках были перечислены блюда, о которых Роман не имел ни малейшего представления. Вместо того чтобы углубляться в подробный разбор каждого из них, он последовал совету Крохина и попросил принести что-нибудь от щедрот местной кухни. Единственная просьба – наличие овощей и рыбы. Коридорный улыбнулся, с достоинством поклонился и вышел, сказав на неплохом русском языке, что через десять минут заказ уважаемого гостя будет в номере.

– Похоже, товарищ когда-то учился в Советском Союзе, – сделал вывод Роман, отправляясь в ванную комнату умыться с дороги.

Пока он там плескался, принесли обед на огромном серебряном подносе. Посреди подноса красовалось овальное блюдо с только что изжаренной рыбиной, щедро обложенной запеченными помидорами и луком. Отдельно лежали сочные груши и бананы, на фарфоровой

тарелочке высилась горка отборных фиников. Узкий серебряный кофейник с изогнутым, как лебединая шея, носиком был только что снят с огня. В хрустальном кувшине стояла холодная питьевая вода.

– Это мне одному? – слегка растерялся Роман.

– Кушайтэ на здоровьэ, – с вежливой полуулыбкой кивнул принесший поднос слуга, на цыпочках удаляясь из номера.

Отбросив сомнения, Роман присел к подносу и наелся так, что едва нашел силы доползти до кровати. Здесь он и уснул, здраво рассудив, что до вечера еще добрых три часа и лучше всего скоротать время в сладкой послеобеденной дреме.

24 сентября, Багдад, вечер

Проснувшись часа через два, Роман первым делом пустил воду в ванной. Пока ванна – мини-бассейн наливалась, он по привычке немного размялся, чтобы не терять форму. Легкий комплекс упражнений из классического китайского кунг-фу плюс дыхательная гимнастика вернули ему привычную бодрость тела и духа. Нежась затем в ванне, он заодно побрился и часам к девяти был полностью готов к выходу в город.

Решив, что особенно пижонить не следует, так как по легенде он был журналистом одной российской газеты, а журналисты обычно одеваются несколько небрежно, он надел джинсы, тенниску, темную ветровку, уложил часть полученной от Крохина суммы во внутренний карман куртки, туда же спрятал журналистское удостоверение, самое что ни на есть настоящее, захватил сигареты, ключи от номера и вышел из гостиницы.

В этот вечерний час на улицах было не слишком многолюдно. По-видимому, правоверные мусульмане большей частью разошлись по домам. И машин было так мало, что многие пешеходы брели прямо по проезжей части. Однако количество военных патрулей к вечеру только возросло, что особенно бросалось в глаза на фоне притихших улиц.

Романа ни разу не остановили, хотя по дороге ему встретились два военных и один полицейский патрули. Наверное, его северная внешность никак не вязалась с поясом шахида и не вызывала особых подозрений ни у союзников, ни у местной полиции.

Неторопливо шагая по тротуару, Роман на всякий случай запоминал вывески и здания. Город был для него абсолютно незнакомым, и не мешало, пользуясь свободным временем, узнать получше хотя бы территорию, прилегающую к гостинице «Синдбад».

Выйдя из гостиницы, он свернул не направо, где находился рекомендованный Крохиным ресторан «Париж», а налево, намереваясь описать большой круг и таким образом составить представление о районе, в котором ему предстояло прожить несколько дней.

По пути на одном из газетных развалов он купил путеводитель по Багдаду с надписями на английском языке. Английским Роман владел в совершенстве, и десять минут спустя, хорошенько изучив карту города, особенно центра, он уже четко мог указать, где находится центральная площадь, где гостиница «Синдбад», а где – ресторан «Париж».

В легких сумерках наведался он и к тыльной стороне своей гостиницы. Внимательно осмотрев снизу стену и балконы обоих этажей, пришел к выводу, что при острой необходимости наверх влезть все-таки можно без особого риска сорваться. Спуск, правда, был гораздо сложнее, но Роман решил, что все эти ухищрения вряд ли понадобятся. Скорее всего, Крохин даст ему какое-нибудь несложное поручение, вроде слежки за подозреваемым, и покидать свой номер он сможет обычным путем, то есть через дверь.

От гостиницы Роман прошел к набережной Тигра. Здесь было довольно оживленно, работали небольшие кафе открытого типа, и его тут же принялись настойчиво приглашать за столики. Однако Роман, ввиду веющей от реки прохлады, отнюдь не южной, и полного отсутствия спиртного, даже самого безобидного, все предложения отклонил и взял курс на «Париж». К тому же его с армейских времен мутило от арабской музыки, а здесь отовсюду громко неслись ее протяжные, заунывные звуки.

Было начало одиннадцатого, когда он вошел в «Париж», небольшой, но очень уютный ресторанчик, внутренним убранством приятно радующий глаз всякого европейца, уставшего от местной экзотики. Здесь, за двойной дверью, гремели песни западных певцов, а люди за столиками пили кто пиво, кто виски – и это был неплохой повод, чтобы лишний раз наведаться сюда.

Роман прошел к барной стойке и присел на высокий стул-тумбу.

Ресторан был полон до отказа. За столиками почти не было свободных мест. Несколько пар кружились в танце на небольшой танцплощадке.

– На каком языке мистер желает разговаривать? – на английском языке спросил Романа бармен, высокий, наголо бритый парень с татуировкой на жилистой шее.

– На том же, что и вы, – по-английски ответил Роман.

– О! – осклабился бармен. – Всегда приятно видеть в этих местах земляка. Что будете пить, мистер?

– Двойную порцию виски.

Бармен уважительно кивнул и налил полстакана виски «Белая лошадь».

– Вы ведь первый раз в нашем ресторане, так? – спросил он, ставя заказ перед Романом.

– Точно, – улыбнувшись, ответил тот.

– Тогда это угощение за счет заведения. Мы всегда таким образом приветствуем новичков.

– Очень любезно с вашей стороны.

– Из каких вы мест? – не отставал разговорчивый бармен. – Я не узнаю ваш акцент. У меня наметанный слух, и обычно я сразу определяю, откуда приехал человек. Но в вашем случае я затрудняюсь… Вы ведь не англичанин?

– Нет, – покачал головой Роман, отхлебнув виски.

– Тогда американец? Но у вас не совсем американское произношение. Знаете, как они жуют и проглатывают слова? Вы же говорите очень чисто.

– Я два года учился в лондонском университете, – сказал Роман. И это была чистая правда.

– Вот оно что, – с облегчением выдохнул бармен. – Теперь все понятно. А то я не мог определить ваш акцент. Джон, – обратился он к подошедшему к бару пожилому рыхлому мужчине, – вот еще один ваш земляк. Однако сколько здесь американцев!

– Плесни мне виски с содовой, Грэг, – сказал ему Джон и повернулся к Роману. – Как вас зовут, мистер?

– Роман.

– Гм, какое странное имя. Из каких вы мест будете, позвольте узнать?

Роман улыбнулся непосредственности американца. Или здесь все приезжие знакомятся так просто? A la guerre comme a la guerre.

– Я русский. Из Москвы.

У бармена вытянулось лицо, и без того длинное.

– Но вы же сказали, что вы американец!

– Я этого не говорил, – возразил Роман. – Я лишь сказал, что учился в Лондоне. Но в Лондоне может учиться кто угодно, верно?

– А, черт! Это розыгрыш! – хлопнул себя по лбу бармен. – Отлично, сэр! Первый раз я так попался. И я умею ценить хорошую шутку, – он поставил на стойку только что начатую бутылку виски. – Теперь вся эта бутылка – ваша.

– Пожалуй, мне одному столько не одолеть, – улыбнулся Роман. – Здесь без малого литр…

– Если вы не против, можете присесть за наш стол, – вмешался Джон. – У нас хорошая компания. И виски там придется кстати.

Бармен подмигнул Роману и, перегнувшись через стойку, сунул бутылку ему в руки.

– Грэг Перкинс знает толк в хорошей шутке и умеет за нее благодарить, – сказал он напоследок. – Желаю приятно провести вечер, сэр. Но кто бы мог подумать, что вы – русский?!

Решив, что в некотором роде это восклицание может сойти за комплимент, Роман захватил подаренную бутылку и вслед на Джоном отправился к его столу.

За ним, помимо Джона, сидели черноволосая девушка немногим старше двадцати и мужчина лет сорока конторской внешности. Они сидели рядом и что-то оживленно обсуждали, то и дело прихлебывая из пивных бутылок. Только девушка пила светлое пиво, а мужчина темное, почти черное.

Джон коротко представил Романа и указал ему место рядом с собой. Роман опустился на стул, с интересом присматриваясь к своим новым знакомым.

Девушку звали Эва Дорниг. На английском, на котором продолжился общий разговор, она говорила с сильным немецким акцентом, хотя меньше всего была похожа на немку. Скорее, учитывая смугловатый цвет кожи, иссиня-черные волосы и слегка горбатый нос, ее можно было назвать уроженкой этих мест, вот только ярко-голубые глаза сбивали с толку и наводили на мысль о смешении кровей.

Пол Стерлинг, напротив, был чистейшим британцем, что называется, до кончиков ногтей, и говорил с изысканными интонациями человека, получившего самое лучшее образование у себя на родине. Впрочем, держался он вполне дружелюбно и был заметно рад новому человеку.

– Чем вы занимаетесь, Роман? – спросил Джон, когда все были представлены друг другу.

– Я журналист, – коротко ответил Роман.

– А какую газету вы представляете? – тут же вскинула на него глаза Эва.

– Газету «Правда».

– Если не ошибаюсь, это бывший главный орган коммунистической печати? – вежливо заметил Пол.

– Не только бывший, но и нынешний, – с улыбкой ответил Роман. – Что вы заканчивали, Пол? Кембридж? Оксфорд?

– Кембридж, – лаконично сказал Пол.

– Работаете при британском посольстве?

– Именно так. Атташе по экономическим вопросам.

– Ну и как считают ваши коммунисты: имеют право американцы и их союзники оккупировать территорию суверенного Ирака, отстаивая при этом исключительно свои интересы? – запальчиво вмешалась Эва в разговор двух джентльменов.

– Коммунисты считают, что не имеют, – стараясь не улыбаться, ответил Роман. – Но лично я не коммунист и не имею однозначного ответа на этот вопрос.

– Я полагала, что все русские против вторжения в Ирак, – возмущенно оборвала его Эва.

– Эва потому так горячится, что представляет независимую немецкую газету «Хильфе» и является ярым противником действий союзных войск в Ираке, – с легкой улыбкой пояснил ее горячность Пол, прихлебывая из бутылки.

– Да, в отличие от некоторых дипломатов, я против оккупации Ирака, – блеснув на него непримиримым взглядом, твердо сказала Эва. – Каждый народ имеет неотъемлемое право на самоопределение. И навязывать ему чужую волю с помощью оружия – это беззаконно и преступно.

– Ребята, полно ссориться, – сказал Джон, поднимая свой стакан с виски. – Давайте лучше выпьем за наше знакомство и за нового друга.

– За знакомство! – кивнул Роман, выпивая свою порцию до дна.

Джон последовал его примеру. Эва и Пол слегка отпили из своих бутылок.

– Вы впервые здесь, Роман? – спросил Джон.

– Да, в этой стране впервые.

– Гиблое место, скажу я вам, – сказал, покачивая головой, Джон.

Он достал из пластиковой сигарочницы толстую темно-коричневую сигару и неторопливо раскурил ее, причмокивая от удовольствия. Эва скривилась, слегка отклоняясь от сизых клубов дыма, но ничего не сказала. Пол был совершенно невозмутим.

– Почему? – поинтересовался Роман, дождавшись, когда американец вытащит сигару изо рта.

– Да здесь никому ничего, кроме Аллаха, не надо. Вот я представляю строительную фирму «Хоган и К°». Мы строим автодороги. Хорошие дороги, смею вас уверить. Нашей фирме полсотни лет, и мало стран на земле, где не лежали бы наши дороги. Мы предлагаем Ираку на самых лучших условиях проложить автострады в самых гиблых районах. Там, где ходят только верблюды и ездят запряженные ослами повозки, будут проложены самые современные шоссе. Ведь это в несколько раз повысит экономическую мощь страны. Только дурак этого может не понимать. И что же мы слышим в ответ от иракского правительства? Подождите – вот и весь ответ. Скоро год как я торчу в этом богом забытом Ираке, слышу каждый день взрывы и выстрелы и никак не могу заключить контракт. Они говорят – подождите, и дальше этого дело не идет. Каждый раз я словно натыкаюсь на глухую стену. А почему? Да потому, что здесь никому ничего не нужно. Они делили власть между собой тысячелетия до нас и тысячелетия будут делить после. Здесь главное – кто сильнее и правильнее верит в Аллаха. А на все другое им наплевать. Но почему от этого должен страдать Джон Лейтон, вот чего я никак не пойму…

– Вы говорите так потому, что совершенно не знаете культуры этой страны и менталитет ее жителей, – не дав ему договорить, парировала Эва. – Вот типичная точка зрения американца: нагрянуть со своими никому не нужными проектами, всюду понастроить бетонных монстров, загрести побольше денег, пользуясь удобным моментом, и уехать к себе домой. И как всегда, вам нет никакого дела до экологии разрушенной вашими «благодеяниями» страны, до ее культурных и национальных традиций. Одна только голая нажива…

– Эх, девочка, – вздохнул Джон, покачивая головой. – Не может же человек разорваться. Наша фирма строит дороги – и хорошо, только дайте нам заниматься своим прямым делом. Вы – журналист, вот и пишите о том, что видите. А дипломаты пусть разгребают весь этот мусор. И что толку спорить о том, что меня не касается, если ничего от этого не изменится? Разве я не прав?

Он обратился за поддержкой к Полу, а затем к Роману, но и тот и другой предпочли отмолчаться и не вступать в спор с юной энтузиасткой. Какой смысл ломать копья в этой неравной битве? Поживет – сама все поймет.

– Так думает каждый обыватель, сидя дома перед телевизором, и от этого все беды в мире, – не сдавалась Эва. – Все трагедии – от человеческого равнодушия.

Теперь и Джон счел за лучшее промолчать. Он глянул на Романа и красноречиво перевел взгляд на бутылку с виски. Роман улыбнулся и налил ему и себе сразу по полстакана.

– Вот это по-русски! – восхитился Джон.

– Вам доводилось сидеть за одним столом с русскими? – спросил Роман.

– И не один раз! Здесь полно русских, наверное, не меньше, чем американцев. В гостинице рядом со мной они занимают несколько номеров. Отличные ребята. Зайдите как-нибудь ко мне, я вас с ними познакомлю. А то хотите, пойдем прямо сейчас? Я живу недалеко отсюда, всего каких-то десять минут езды на такси. Можно будет очень неплохо выпить у меня в номере.

– В другой раз, – сказал Роман и на всякий случай пояснил свой отказ: – Со своими земляками я всегда успею поговорить, хотя бы даже и дома. Но познакомиться и пообщаться с такими замечательными людьми, как вы, у меня другой возможности не будет, – он взглянул на Эву. – Поэтому, если вы не против, я посижу еще немного здесь, за вашим столиком.

– Ну что вы! – вдруг потупилась Эва. – Да сидите сколько хотите. Мы все здесь только гости.

– Отлично сказано! – воскликнул Джон. – Предлагаю за это выпить.

– Можно мне немного виски? – спросила робко Эва.

Похоже, при всей своей воинственности в вопросах политики была она девушкой довольно скромной и не избалованной мужским вниманием. Хотя, несмотря на некоторую грубость черт, свойственную арабским красавицам, Роман находил ее очень привлекательной, к тому же ее возраст и сопутствующая этому возрасту свежесть всегда притягательны для мужчины, которому вот-вот стукнет сорок.

– Конечно, фройляйн, – сказал он на немецком. – Одну секунду.

Он подошел к бару и спросил у Грэга еще два стакана. Тот широко ухмыльнулся, подмигнул всей половиной своего длинного лица и поставил стаканы на стойку.

– Желаю успеха, мистер шутник!

– О чем вы, Грэг? – улыбнулся Роман.

Он вернулся к столу и налил Эве и Полу виски, несмотря на слабые протесты последнего.

– Друзья, – сказал Роман, – все равно эта бутылка досталась мне в качестве приза. Так что я буду очень вам благодарен, если вы поможете мне с ней справиться.

– Прекрасные слова, – снова восхитился Джон. – Роман, вы прирожденный оратор. Давайте же выпьем за все, что было сказано, а то это прекрасное виски в конце концов вычихается и превратится в воду.

Роман поднял свой стакан и поочередно чокнулся со всеми. Джон выпил свою порцию до дна – просто перелил ее в себя – и тут же затянулся сигарой в качестве закуски. Эва с трудом осилила ту каплю, которую ей налил Роман. Пол неторопливо сделал один большой глоток из стакана, один из бутылки с пивом и, как и положено истинному британцу, остался совершенно невозмутим. Однако глаза его стали смотреть на мир гораздо благодушней.

– Вы знаете немецкий? – спросила, отдышавшись, Эва.

– Немного, – поскромничал Роман. – В пределах университетской программы. Вы позволите мне закурить, милая Эва? – спросил он по-немецки.

– Курите, пожалуйста, – махнула рукой Эва. – Мистер Лейтон курит и никогда не спрашивает разрешения.

Джон на ее слова лишь сморщился, как от горького, и от души затянулся своей сигарой.

Роман тоже закурил сигарету, деликатно пуская дым в сторону. Пол тем временем сделал еще один глоток виски, не менее основательный, чем первый, и снова запил его пивом.

– Я тоже знаю немецкий, – вдруг сообщил он. – И очень неплохо. И еще русский. Русский не так хорошо, но все-таки в случае надобности смогу объяснить, кто я такой и что мне нужно. У нас были славные профессора, они умели привить любовь к своим предметам.

– И я знаю русский, – сказала просто Эва. – Мои родители научили меня ему. А еще я свободно разговариваю на арабском, это мой второй родной язык.

– Зато я, кроме своего, не знаю никакого другого, – гордо заявил Джон. – Мы, американцы, не очень-то любим учить чужие языки.

– Ну да, – кивнула Эва, – вы предпочитаете, чтобы весь мир разговаривал на вашем.

– Ну, это слишком громко сказано, юная леди, – возразил Джон. – Хотя доля правды в ваших словах есть, хе-хе-хе…

Эва одарила его презрительным взглядом, но решила, что дальнейшая трата слов будет напрасной. Все равно каждый останется при своем мнении, особенно этот старый янки, который ни о чем, кроме своих дорог, не думает и думать не хочет.

– Чудная девочка, скажу я вам, – прошептал Джон на ухо Роману. – Настоящая арабская кобылка. Был бы я помоложе – уж я бы ее объездил, точно вам говорю, – при этом он облизнулся и покосился на бутылку, в которой виски еще оставалось примерно на треть.

Роман налил ему, себе и Эве. Пол, когда он поднес горлышко бутылки к его стакану, накрыл стакан ладонью и отрицательно помотал головой.

– Завтра много дел, – пояснил он. – Нужна свежая голова. С меня достаточно, благодарю вас.

– Нам больше достанется, – пробормотал Джон, опрокидывая свою порцию.

Роман чокнулся с Эвой и медленно выпил, глядя на нее. То ли виски был таким крепким, то ли девушка настолько хороша, но с каждой минутой она нравилась ему все больше.

– Пойдемте потанцуем, Эва, – предложил он, ставя стакан на стол.

– Пойдемте, – легко согласилась она.

Роман поднялся, протянул ей руку и увлек за собой на танцплощадку.

Как раз началась медленная композиция. Он обнял ее за гибкую талию и тут же ощутил, как упруго подалось под рукой все ее тело. Что там говорил Джон об арабской кобылке? Сравнение хоть куда.

Эва, не робея, вся пунцово-розовая от выпитого виски, близко прижалась к Роману высокой грудью. Теперь ее яркие голубые глаза были совсем близко от него.

– Вас, наверное, удивляет, что я, немка, похожа на местную жительницу? – спросила она.

– Немного, – признался Роман, вдыхая тонкий аромат ее духов и нежной кожи.

– Все дело в том, что мой отец – сириец. Они с мамой, чистокровной немкой из Восточного Берлина, познакомились в Москве, в начале восьмидесятых. Они учились в Институте дружбы народов, жили в одном общежитии, ну и между ними возникла любовь…

– Красивая история, – улыбнулся Роман, подумав, сколько таких историй возникало в ту пору не только в Москве, но и на всей территории Советского Союза, в каждом областном либо республиканском центре, где имелся мало-мальски приличный вуз.

– Очень красивая и очень романтическая, – подтвердила Эва. – Мои родители до сих пор очень любят друг друга.

– И где же вы жили? В Сирии?

– Нет. Папа перед свадьбой съездил в Германию, чтобы познакомиться с маминими родственниками, и остался там жить навсегда. Так что родилась и выросла я в Берлине.

– Но папа все-таки выучил вас арабскому?

– Ну, конечно. Он хоть и поселился в Германии, но оставался сирийцем и всегда очень любил свою родину. Мы с ним часто разговаривали на арабском. И в Сирию мы много раз приезжали, так что практика у меня была отличная.

– А русскому вас мама научила?

– Нет, – засмеялась Эва, обнажая ровные белые зубы. При этом она закинула голову, и Роман едва преодолел желание прикоснуться губами к ее шее. – Они оба. Они у меня ученые, преподают в университете и с детских лет готовили меня к профессорской деятельности.

– А вы их подвели и стали журналисткой.

– Точно, – снова засмеялась Эва. – Так они и говорят. Вместо того чтобы получить ученую степень и спокойно работать в университете, я вдруг неожиданно для себя увлеклась международной журналистикой.

– Конечно, существовал некий молодой красавец, который сбил вас с пути истинного?

– В некоторой степени… – немного смутилась Эва. – Правда, он не очень молод и не совсем красавец. Хотя мужчина он интересный… Но это все неважно. Я вдруг открыла для себя поле деятельности, где могла проявить себя всесторонне, понимаете?

– Очень хорошо понимаю, – серьезно ответил Роман.

– Газета, с которой я стала сотрудничать, не очень крупная. Но у нее четкая политическая направленность, и это импонирует мне больше всего. Вместо той вялой чепухи, которую пишут другие издания, мы отчетливо декларируем свои взгляды, не боясь, что порой они диаметрально расходятся со взглядами нашего правительства и особенно со взглядами их друзей в Соединенных Штатах.

– За что вы так не любите Соединенные Штаты? – спросил Роман, впрочем, заранее зная, что услышит.

– А за что можно любить оккупантов? – возразила с прежней горячностью Эва. – Посмотрите: если где-то началась очередная война, виновниками ее почти всегда окажутся американцы. Вернее, их экономические интересы. Ведь всем понятно, что и сюда они вторглись не во имя пресловутой демократии, а ради нефти, одного из их фетишей. Саддам не пускал их к дешевой кормушке, и они не колеблясь свергли Саддама, заставив своих сателлитов действовать с ними заодно. О какой-либо справедливости и речи не идет. Наплевав на мнение мировой общественности, Америка делает что ей вздумается, и чем дальше, тем хуже.

– А вы решили встать на ее пути?

– Вам смешно? – норовисто вскинула голову Эва.

– Ни в коей мере, – поспешил разубедить ее Роман.

Эва подозрительно посмотрела на него, но он ответил ей столь чистым взглядом, что подозрения ее сразу рассеялись.

– Не только я, – сказала, немного помолчав, она. – Нас много. И рано или поздно мир прислушается к нам.

– Обязательно, – не мог не согласиться с ней Роман.

Медленная песня закончилась, и они вернулись к столу. Пол сидел все так же прямо, правда, глаза у него были несколько осоловелые. Джон Лейтон чувствовал себя превосходно и встретил их радостным восклицанием.

– Вы были самой красивой парой! – с чувством заявил он. – Я вами просто любовался.

– Почему бы вам не пригласить кого-нибудь? – спросил Роман. – Тогда бы мы полюбовались вами.

– О-о, это уже не для меня, – махнул рукой Джон. – Я свое оттанцевал. Мне достаточно немного виски и пару сигар, а танцуют пусть молодые. К тому же меня вряд ли одобрит миссис Лейтон. Хоть она и далеко, но я так и вижу ее укоризненный взгляд… Нет, только виски и сигара.

– Ну, виски так виски, – кивнул Роман, разливая остатки виски ему и себе.

Пол снова протестующе покачал головой, а Эва сказала, что выпитого и так для нее слишком много.

– Мой папа мусульманин, и сколько он ни жил в Германии, не мог привыкнуть, что все, в том числе и девушки, совершенно свободно пьют пиво и вино. При нем я никогда не пила ничего крепче кофе. А если бы он увидел, что я пила виски, то пришел бы в ужас, – со смехом закончила она.

– Давно вы в Багдаде? – спросил Роман.

– Уже полгода.

– Наверное, ваши родители очень за вас тревожатся?

– Очень, – кивнула Эва. – Мы каждый день говорим с ними по телефону, и каждый день мама просит, чтобы я возвращалась домой. А папа сказал, что сам приедет и заберет меня отсюда.

– Я думаю, в душе он вами гордится.

Эва одарила его благодарным взглядом и задумалась, подперев голову рукой.

– Мне эти юные идеалисты, стремящиеся изменить мир… – пробормотал Джон, склонившись к Роману. – Они готовы расшибить себе лбы и не понимают самых простых вещей. А умные люди не тратят сил на споры, а просто зарабатывают деньги, пока есть возможность. Ибо деньги нужны во все времена, и чем их больше, тем спокойнее себя чувствуешь.

Он чокнулся с Романом, подмигнул ему и залпом допил виски.

– Вы мне нравитесь, Роман, – снова зашептал он ему почти в самое ухо. – И я дам вам один совет. Здесь хоть и дерьмово и можно запросто угодить под взрыв бомбы, но зато сюда стекается очень много информации. В том числе и коммерческой. А тот, кто владеет информацией, владеет миром.

– Хорошее выражение, – улыбнулся Роман.

– Вы когда-нибудь занимались игрой на бирже? – не обращая внимания на его шутливый тон, очень серьезно спросил американец.

– Кое-что слыхал об этом, – уклончиво ответил Роман, настораживаясь. – Но только слыхал, а сам ни в чем таком не участвовал. Не те капиталы, знаете ли… Да и связей нет подходящих.

– Если хотите, я мог бы вам помочь. Конечно, только советом. Но иногда и хороший совет, вовремя поданный, стоит немало. Как-нибудь на днях отыщите Джона Лейтона, и тогда я поговорю с вами более подробно. Каждый вечер, если нет срочных дел, я захожу сюда промочить горло стаканчиком-другим виски. Так что лучше места для встречи не найти.

– Хорошо, – кивнул Роман. – Договорились.

Американец многозначительно наклонил голову и занялся раскуриванием новой сигары.

– Скоро нужно уходить, – подал голос Пол. – В двенадцать часов начинает действовать комендантский час, и лучше патрулям не попадаться.

– Да, – эхом отозвалась Эва. – Это верно.

Роман посмотрел на нее внимательнее. Девушка выглядела совсем печальной. Должно быть, выпитое виски и воспоминания о родителях навеяли на нее грустные мысли.

– Может быть, вы подарите мне еще один танец? – обратился к ней Роман.

– С удовольствием, – улыбнулась она.

Она выскользнула из-за стола и, доверчиво взяв его за руку, направилась к танцплощадке.

Играла какая-то современная ритмичная музыка, несколько человек лихо отплясывали под зажигательный мотив. Эва отбросила минорные настроения и резво включилась в танец, вскидывая руки и гибко извиваясь всем телом. Стараясь не отставать от нее, Роман тоже пустился в пляс, вспомнив в общем-то недавнюю молодость. Было несколько тяжеловато после выпитого виски, но пока терпимо.

Кажется, получалось у них неплохо. Джон издали показывал большой палец и что-то восторженно кричал. Пол улыбался и кивал в такт музыке. Эва помахала им рукой – и в следующий миг чудовищная волна смела вместе со столом Джона, Пола и всех, кто находился в ресторане.

Вслед за тем раздался грохот мощного взрыва. Падая на пол и прикрывая собой Эву, Роман словно со стороны видел летящие во все стороны куски стекла, дерева и покореженного металла. Вокруг все рушилось и гремело. С какой-то невероятной силой визжали женщины, вдвое перекрывая шум так и не выключившейся музыки. Глянув в сторону, Роман увидел в двух метрах от себя чью-то оторванную руку в клетчатом рукаве. Где находился ее обладатель, он не мог понять, ибо все было развалено и разнесено по всему помещению…

Он отряхнулся от пыли и цементной крошки, встал на одно колено и осторожно приподнял Эву с пола. Она не двигалась, глаза были неподвижны, рот приоткрыт, как у слабоумной.

– Эва! – крикнул Роман. – Вы меня слышите?

Она не отвечала и не смотрела на него. Она находилась в шоке, и нужно было срочно вывести ее из него. Громко орущая музыка действовала на нервы и усугубляла кошмарность происходящего.

– Эва, посмотрите на меня! – крикнул Роман по-немецки, встряхивая ее. – Вы меня слышите?

Звук родной речи подействовал. Она медленно мигнула и перевела взгляд на него.

– Вы целы, Эва? – кричал Роман, осматривая ее. – Скажите хоть что-нибудь!

Девушка не пострадала, во всяком случае, внешне. Только на локте виднелась небольшая ссадина, полученная при падении. Возможно, она немного была контужена при падении на пол, но большой опасности это падение не представляло.

– Это террористы, Роман? – спросила Эва.

Он не слышал ее голоса, но по губам догадался, о чем она спрашивала.

– Да, конечно, кто же еще?! Нам надо выбираться отсюда! Ну, держитесь за меня.

Он обхватил ее за талию и начал поднимать с пола. Она слабо ему помогала, как вдруг увидела оторванную руку, вскрикнула и обмякла.

Роман сцепил зубы, рывком поднял Эву на руки и направился к выходу, торопясь вынести ее до того, как случится обвал.

Вместо стеклянной витрины зияла огромная уродливая дыра, развороченная взрывом. Шагая по битому стеклу, Роман со всех сторон видел недвижимые окровавленные тела, засыпанные пылью и ошметками строительного мусора. Кто-то шевелился в этой пыли, пытаясь помочь стонущему соседу.

Все столы были перевернуты, и все сидевшие за ними люди попали под взрывную волну, осколки бомбы и стекол, которые, как поражающий фактор, были не менее ужасны, чем железо. Роману, Эве и нескольким счастливцам, находящимся в момент взрыва на танцплощадке, повезло, ибо танцплощадка была закрыта углом сплошной бетонной стены и двумя колоннами. Основная сила взрыва прошла мимо них.

Роман вынес Эву на улицу и положил на асфальт метрах в десяти от входа в ресторан.

Вокруг было безлюдно, лишь в отдалении завывали сирены спешащих к месту взрыва медиков и полиции.

Рядом с рестораном, у обочины, стоял развороченный взрывом автомобиль. Он жарко, чадно горел, освещая уже темную улицу. Черные клубы дыма поднимались к ясному звездному небу. Кто-то начинил этот автомобиль взрывчаткой, припарковал у ресторана и нажал кнопку дистанционного управления. Обычная тактика боевиков-террористов. Здесь это происходит ежедневно и не по одному разу.

Вот только Роман никак не думал, что в первый же вечер попадет в такой переплет. А еще говорят, что новичкам везет. Или то, что он жив остался, и есть везение? Похоже, что так.

– Роман, не оставляйте меня, – придя в себя на свежем воздухе, ухватила его за руку Эва. – Мне страшно!

– Ничего, Эва, ничего, – ласково заговорил Роман. – Опасность уже позади, здесь вам ничего не угрожает. Вы посидите здесь, а я вернусь и попытаюсь помочь нашим друзьям. Сейчас приедут полиция и «Скорая помощь».

– Не оставляйте меня! – взмолилась она.

Из пролома, кашляя и ругаясь по-французски, вышел какой-то грузный мужчина. Он сильно шатался, голова его была в крови, он зажимал рану на затылке обеими руками.

– Эва, – строго заговорил Роман. – Этому человеку хуже, чем вам. Он нуждается в помощи!

Его тон подействовал. Эва поднялась и помогла Роману усадить раненого на землю.

– Перевяжите ему голову, – приказал Роман.

– Чем?

– Чем хотите! Но только остановите кровь!

Эва закусила губу, сбросила джинсовую курточку и стащила с себя майку, оставшись в черном ажурном бюстгальтере. Этой майкой она начала перевязывать голову французу, трогательно уговаривая его на своем ломаном английском языке отнять от раны руки.

Роман понял, что самое страшное позади и Эва в худшем случае отделается обычной после подобных событий депрессией. А скорее всего, немного поплачет и будет жить дальше. Ведь полгода уже как варится в этом пекле, должна привыкнуть. Правда, видеть такое со стороны – это одно, а самому попасть – другое.

Вернувшись в разрушенный и оттого совершенно неузнаваемый ресторан, Роман попытался отыскать Джона и Пола.

Вокруг раздавались стоны и призывы о помощи. Роман тщательно вглядывался в лица, помогая легкораненым подняться на ноги, но ресторан едва освещался парой-тройкой лампочек, уцелевших в танцевальном углу, к тому же все жертвы были перепачканы пылью – и это ужасно затрудняло поиски.

Пола он узнал по выбившемуся из-под пиджака галстуку в сине-голубую полоску. Англичанин лежал навзничь, неподвижный, точно манекен, и широкий осколок стекла, торчавший у него из шеи, не оставлял надежды на то, что ему посчастливилось выжить. Артерия была перерезана начисто, и он умер от слишком быстрой кровопотери.

Роман закрыл ему глаза и продолжил поиски. Может, хотя бы Джон остался в живых? Это невероятно. Только что весело сидели вместе, попивали виски, болтали и шутили – и вот вокруг смерть и ужас, а человека, пять минут назад живого и теплого, уже охватывает трупное окоченение. Роман сам был на войне, кровавой и страшной, видел много смертей, в том числе и своих товарищей, но все равно так и не смог привыкнуть к жестокости и необратимости этого процесса.

Но где же Джон? Хоть бы отыскать его тело. Стены здания были сильно повреждены, и Роман опасался, что в любую секунду может случиться обвал.

Он услыхал хриплый стон, в котором уловил что-то знакомое, и поспешил на звук. Американец лежал, придавленный перевернутым столом, и тщетно пытался выбраться из-под него.

С первого взгляда Роман увидел, что обе ноги Джона сломаны ниже колена. К тому же у него была сильно повреждена грудная клетка, отчего Джон не мог говорить и время от времени издавал лишь протяжный слабый стон.

– Держитесь, Джон, – сказал Роман, осторожно снимая с него тяжеленную столешницу.

Он знал, что при сдавленных ранениях нельзя трогать пострадавшего до приезда «Скорой помощи». Но Джон мог удариться грудью о что-то другое в тот момент, когда его снесла взрывная волна, а столом его накрыло уже после. К тому же Роману хотелось вытащить раненого из ресторана как можно быстрее, ибо опасность обвала была очень велика, а реальная помощь в лице медиков и полиции все еще не подоспела.

– О, Роман, я жив? – простонал американец, когда Роман взял его под мышки и потащил к выходу.

– Живы, Джон, живы. Только лучше помолчите.

– У меня очень болит здесь, – пожаловался Джон, прикасаясь рукой к своей груди.

– Потерпите, Джон, – уговаривал Роман. – И не шевелите руками. Чем меньше движений, тем лучше. Скоро приедет «неотложка» и увезет вас в больницу. Там вам окажут медицинскую помощь – и все будет хорошо.

– А что с моими ногами? – прохрипел американец. – Я их совсем не чувствую.

Он сделал попытку посмотреть вниз, резко дернулся – и потерял сознание. Роман быстро его дотащил до выхода, там кликнул Эву, с ее помощью осторожно вынес тяжелое тело на улицу и положил на асфальт, возле француза, перевязанного майкой Эвы.

Рядом лежали и сидели те, кому посчастливилось остаться в живых.

Эва совсем оправилась и деятельно помогала раненым. Если бы не трагизм ситуации, она бы здорово смотрелась в своей джинсовке, под которой ничего, кроме лифчика, не было.

– А что с Полом? – спросила она. – Вы видели его?

– Пол погиб, – кратко сообщил Роман.

Эва молча склонила голову и занялась Джоном, стараясь уложить его поудобнее. Американец тем временем пришел в себя и даже пытался шутить.

– Зря я не пошел танцевать, как советовал мне Роман, – прошептал он, прерывисто дыша. – Говорила мне миссис Лейтон, что виски меня доконает. Как в воду глядела…

Он шевельнул ногой и вздрогнул от острой боли.

– Лежите спокойно, Джон, – принялась уговаривать его Эва. – Вам нельзя двигаться.

Послышался шум подъезжающих автомобилей. Это одновременно подоспели медики и полицейские.

– Роман, – вдруг ужасно заторопился Джон, – наклонитесь ко мне. Я вам должен сказать…

– Что такое, Джон? – спросил Роман.

Джон прерывисто дышал. Видно было, что он вот-вот снова потеряет сознание.

Вокруг звучали громкие команды на арабском, английском и других языках. Люди в камуфляже поспешно вбегали в пролом, торопясь вынести пострадавших. Другие вытаскивали из машин носилки и готовились эвакуировать раненых.

Все делалось привычно и споро. Дюжие санитары в один миг уложили француза на носилки и рысцой понесли его к машине «Скорой помощи».

– Роман, – зашептал торопливо Джон, прерывисто хватая воздух широко открытым ртом, – вы должны мне помочь!

– Конечно, Джон.

– Сейчас меня увезут в больницу, и там, возможно, я умру.

– Ну что вы, Джон. Все будет хорошо.

– Слушайте меня, Роман. Вы хороший русский парень, вы мне поможете. Только один звонок по телефону, Роман, только один звонок. Вы можете сделать это для старого Джона Лейтона?

– Без проблем.

К американцу, бесцеремонно отодвинув Романа в сторону, придвинули носилки.

– Осторожно, у него сломаны ноги! – сказал Роман, указывая на повреждения.

Эва, бывшая рядом с ним, пояснила его слова по-арабски. Санитары, не глядя на них, подхватили Джона под плечи и бедра, на счет «три» положили на носилки и понесли к машине.

– Роман! – позвал американец, изо всех сил стараясь не потерять сознания. – Роман, где вы?!

– Я здесь, Джон! – отозвался Роман, пристраиваясь сбоку от носилок и наклоняясь к американцу.

Один из санитаров злобно ругнулся на него, но Роман не обратил внимания. Бедный старик хотел сообщить ему что-то чрезвычайно важное, и Роман не мог его не выслушать.

– Роман! – зашептал Джон, вцепившись ему в отворот куртки и притягивая поближе к себе. – Позвоните в Даллас, штат Техас, Дику Робертсу, телефон триста двадцать – сорок восемь – тридцать пять, и скажите ему, Роман, только одно: Джон Лейтон сказал срочно продавать все акции «Сибгаза». «Сибгаза», – повторил он как бы по-русски. – Вы можете это сделать, Роман?

– Дику Робертсу в Даллас, штат Техас, триста двадцать – сорок восемь – тридцать пять, срочно продать акции «Сибгаза», – машинально повторил Роман, несколько озадаченный заданием.

– Все акции «Сибгаза», все! – прохрипел Джон. – «Сибгаз» на днях распадается, надо срочно избавляться от его акций. Дик мой адвокат, он все сделает, вы только дозвонитесь до него… Это очень важно, Роман! Я узнал об этом два часа назад. Информация достоверная. Только позвоните завтра утром, с этим нельзя медлить. Сейчас в Далласе раннее утро, а Дик не любит, когда я бужу в это время, не то я позвонил бы ему сегодня же…

– Я все понял, Джон, и все сделаю. Не волнуйтесь.

– Хорошо, Роман, я вам верю, – откидываясь на подушку, выдохнул американец. – Если останусь жив, я вас отблагодарю.

– Да перестаньте, Джон. Поправляйтесь и ни о чем не думайте. Я все сделаю.

Джон на прощание слабо сжал руку Романа и совсем по-детски всхлипнул. Как видно, силы окончательно его оставили. Носилки с ним втащили в карету «Скорой помощи», поло-

жили рядом с французом, захлопнули дверцы, и машина тут же помчалась к больнице, освобождая место для других.

– Как вы думаете, Роман, он выживет? – спросила Эва, когда Роман в задумчивости вернулся к ресторану.

– Дай бог, – вздохнул Роман. – Ноги – не страшно, но у него повреждена грудная клетка. Будем надеяться, что внутренние органы остались целы.

– Будем, – эхом откликнулась Эва.

Она зябко куталась в свою курточку и молчала. Роман слегка приобнял ее за плечи, и она благодарно к нему прижалась. Санитары тем временем деловито загрузили всех раненых в машины и уехали.

Затем началась обычная в таких случаях полицейская процедура опроса свидетелей. Роман и Эва дали все требуемые показания и примерно через час, благо журналистские удостоверения были у них при себе, были отпущены с миром.

– Хотите, я отвезу вас домой? – спросил бармен Грэг. – У меня своя машина и разрешение на проезд ночью.

– Если вам не трудно… – не стал отказываться Роман. – Я могу добраться сам, я живу неподалеку. А вот Эву не мешало бы подвезти. Девушка совсем ослабела.

– Понятное дело, – кивнул Грэг. – Тут сам еле на ногах стоишь. Слава богу, в момент проклятого взрыва я как раз наклонился к сейфу. Это меня и спасло. То есть меня спасла дубовая стойка. А так бы…

Он махнул рукой и направился за угол дома.

– Подождите минуту, у меня там машина, я сейчас!

– Где вы живете? – спросил Роман Эву.

– В гостинице «Аль-Рашид».

– Это далеко отсюда?

– Не очень… Минут пятнадцать ходьбы. Я могу дойти пешком.

Роман видел, что девушка едва стоит на ногах и бодрится только лишь из врожденного упрямства.

– Нет уж, – сказал он. – Пятнадцать минут – это если вы себя нормально чувствуете. А в таком состоянии вы и за час не дойдете. Разве что я понесу вас на руках.

– Ни за что, – твердо ответила Эва.

– И действительно, – согласился Роман, – зачем нам мучиться? Грэг любезно согласился отвезти вас домой. А вот, кстати, и он.

Грэг на стареньком «Рено» выехал из переулка и остановился возле них, приглашающе взмахнув рукой.

– А вы не поедете? – спросила Романа Эва.

– Моя гостиница в двух шагах отсюда.

– Тогда до свидания, – сказала она так печально, что у Романа дрогнуло сердце.

– Всего хорошего, Эва. Надеюсь, мы еще увидимся.

– Заходите ко мне в гости. Мой номер триста тридцать третий. Легко запомнить.

– Обязательно зайду, – пообещал Роман.

Эва слабо улыбнулась и села в машину. Роман помахал ей и Грэгу рукой, проводил взглядом удаляющийся «Рено» и направился к «Синдбаду».

На сегодняшний день событий было достаточно. До утра оставалось не так много времени. Крохин говорил о каком-то задании и поездке. Надо успеть поспать, чтобы завтра быть в форме.

25 сентября, Багдад, утро

Ранним утром раздался телефонный звонок. Это портье вежливо напомнил, что Роман просил разбудить его в половине седьмого. Роман поблагодарил, заказал в номер кофе и легкий завтрак и сразу полез под душ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.